ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 68 (2451) Среда, 25 августа 1948 г. Цена 40 коп.

В защиту мира

Еще не успели зажить глубокие раны, нанесенные человечеству немецко-фашистскими разбойниками, а новые претенденты на «мировое господство» — на сей раз из-за океана—уже опять усиленно стремятся взять миролюбивые народы за горло железной рукой войны. Но в процессе тяжелой и кровавой борьбы с фашизмом свободолюбивые народы мира приобрели немалый опыт и большую закалку. Вот почему сейчас перед лицом реакции они не безоружны. Фронту агрессоров, захватчиков, озверелых «расистов» американского толка, провозглашающих наступление эры «атомной бомбы», ныне противостоит грозный многомиллионный фронт поборников мира, прогресса и демократии. Одним из отрядов этого фронта являются работники науки, культуры и искусства — интеллектуальный и творческий авангард передового и прогрессивного человечества. Продемонстрировать свою волю к единству, еще выше поднять славное знамя борьбы за мир, против поджигателей новой войны — в этом смысл, цель и назначение открывающегося сегодня в городе Вроцлаве международного конгресса деятелей культуры.

Вся современная буржуазная культура — с ее маразмом и умственной деградацией, с ее стремлением к разжиганию разнузданных зоологических инстинктов, с ее людоедской проповедью убийства и войны, как «изначальных» склонностей человека, — давно и навсегда стала служанкой империализма. Верные слуги своих хозяев, мастера буржуазной науки и культуры изо всех сил стараются погасить солнце разума над миром, погрузить человечество во тьму нового средневековья, повернуть колесо истории вспять или, на худой конец, затормозить ее поступательное движение вперед.

Общеизвестно, что любая область духовного творчества человека всегда является средоточием острой политической борьбы, своеобразной линией огня. Товарищ Сталин в беседе с Уэллсом заметил, что даже образование — «это оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить».

Проповедь мракобесия и распространение лжи в самых различных видах — вот основная задача поденщиков современной буржуазной культуры и науки. «Мы — политические проститутки», — заявил один из них в припадке нечаянной откровенности.

Все сказанное отнюдь не должно свидетельствовать о том, что современные магнаты капитала вообще отказывают науке и культуре в праве на существование. Ничего подобного. Они обрекают на прозябание и даже на гибель лишь те их отрасли, которые прямо и непосредственно не обслуживают планы подготовки новой захватнической войны. И они же не жалеют средств для того, чтобы форсировать бешеным темпом развитие тех отраслей науки, которые совершенствуют методы массового истребления и уничтожения человека. Достаточно напомнить о том, что из миллиарда долларов, ассигнованных в этом году на научные исследования в США, более девяти десятых приходится на научную подготовку новой войны!

Неудивительно, таким образом, что подавляющее большинство проституированных «служителей» буржуазии уже сейчас готово повторить от себя известный «афоризм», в свое время изготовленный на литературной кухне нацистской Германии: «Когда я слышу слово «культура», я спускаю предохранитель своего браунинга».

Какой бы, однако, уничтожающей, гневной и полностью справедливой критике ни подвергать буржуазную культуру любой из капиталистических стран, никогда вместе с тем не следует забывать о том, что «... в **каждой** национальной культуре есть, хотя бы не развитые, **элементы** демократической и социалистической культуры, ибо в **каждой** нации есть трудящаяся и эксплоатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую» (Ленин). Стоит лишь вспомнить хотя бы прогрессивных писателей и художников США, которые мужественно возвышают свой голос, несмотря на всю бешеную свистопляску и разнузданный террор реакции, чтобы понять глубочайшую правоту и зоркость ленинских слов.

Американские империалисты все более и более усиливают свою агрессивную политику подготовки новой войны, рассматривая себя как оплот реакционных, антидемократических сил во всем мире. Но на пути экспансионистских устремлений США к мировому господству стоит такой оплот антиимпериалистической и антифашистской политики, как СССР, с его растущим международным влиянием, стоят страны новой демократии, стоят трудящиеся капиталистических стран, а также выдающиеся мастера прогрессивной науки и культуры, и среди них— Говард Фаст в США, Ирэн Жолио-Кюри и Луи Арагон во Франции, Холдейн в Англии, Мартин Андерсен Нексе в Дании, крупнейший поэт и писатель Жорже Амаду, изгнанный из Бразилии, и тысячи других прогрессивных деятелей мира.

Силы лагеря прогресса и демократии находятся на под'еме, а силы противоположного лагеря — на историческом ущербе, несмотря на всю воинственную саморекламу американских экспансионистов и все их бряцание оружием! В этих условиях важнейшая задача деятелей передовой, то-есть подлинной науки и культуры и состоит в том, чтобы об'единить всех своих сторонников, в какой бы стране они ни находились, помочь укреплению их рядов, способствовать углублению и расширению их связей с народными массами, мобилизовать их для отпора наглеющим империалистическим хищникам и поджигателям новой войны. Огромная вдохновляющая роль в этом принадлежит культуре и науке стран новой демократии и особенно Советского Союза, являющегося социалистическим маяком для всего человечества.

Вдохновенное влияние самой прогрессивной в мире советской социалистической культуры с каждым днем все сильнее и все шире сказывается далеко за пределами СССР. Несмотря на противодействие полицейско-террористических властей капиталистических стран, писатели, художники, ученые этих стран постепенно начинают под благотворным воздействием советской культуры и науки все явственнее осознавать свои собственные возможности и свое назначение. Они начинают постигать на практике, что реакция не так сильна, как она пытается это представить, и что залог победы над ней — в сплоченности и единстве тех, кто готов вести с ней борьбу, не жалея для этого никаких усилий.

Истинная, действенная борьба против фашизма и угрозы новой войны мыслима только вместе с массами. Лишь активное участие в этой повседневной всенародной борьбе даст возможность прогрессивным мастерам культуры создавать произведения, способные не только сплачивать и вдохновлять друзей, но и беспощадно разить врагов!

КОНГРЕСС ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Сегодня в Вроцлаве (Польша) открывается Международный конгресс деятелей науки и культуры.

На конгресс прибыло около 500 делегатов и гостей от Советского Союза, Польши, Чехословакии, Франции, Англии, Дании, Швеции, Бельгии, Швейцарии, Соединенных Штатов Америки, Мексики и других стран.

В состав советской делегации на конгресс входят: генеральный секретарь Союза советских писателей А. А. Фадеев (руководитель делегации), академики И. И. Мещанинов, И. П. Бардин, Е. В. Тарле, А. В. Палладин, писатели М. А. Шолохов, Л. М. Леонов, И. Г. Эренбург, А. Е. Корнейчук, М. Турсун-Заде, Самед Вургун, А. Венцлова, журналист Д. И. Заславский, композитор Т. Н. Хренников, кинорежиссеры В. И. Пудовкин, М. Э. Чиаурели, народный художник СССР А. М. Герасимов.

Среди делегатов других стран известные деятели науки и культуры: датский писатель Мартин Андерсен Нексе, французская ученая Ирэн Жолио-Кюри, американский ученый Альберт Эйнштейн, журналист Альберт Кан, скульптор Джо Давидсон, редактор еженедельника «Нейшн» Фреда Кирчуэй, английский писатель Генри Грин и профессор Холдейн, чешский писатель Ян Дрда, ректор Пражского университета Ян Мукажовский, режиссер Гуриан, председатель Союза польских писателей Ярослав Ивашкевич, ректор Варшавского университета Франтишек Чубальский, поэты и писатели Юлиан Тувим, Мария Домбровска, Софья Налковская, шведский писатель, Георг Брантинг, настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон и другие.

Прогрессивная общественность всех стран земного шара связывает с Вроцлавским конгрессом большие надежды на сплочение людей науки и культуры для неустанного разоблачения поджигателей войны и борьбы за укрепление демократического мира.

Государственный разговор

Владимир ФОМЕНКО

Общее собрание работников МТС подводило итоги досрочно выполненной уборки урожая. Над столом президиума были растянуты три знамени, в том числе два, присвоенные навечно Государственным Комитетом Обороны и обкомом партии за работу в дни Отечественной войны.

Изредка ветер тянул с Дона, парусил занавеси, обдувал потные лица слушающих доклад людей, собравшихся, несмотря на жару, не в чувяках на босу ногу, а в полуботинках, разутюженных костюмах и галстуках.

Итоги подводил директор станции Василий Иванович Костриков, опытный и требовательный хозяин.

— Типовой договор между МТС и колхозами спущен нам, — трудно втягивая воздух, говорил Костриков,—весной этого года. Как по весеннему севу, так и по уборке мы перевыполнили планы. Точно еще не подсчитано, но,—Костриков отпил воды из стакана, обтер платком крупное, покрытое рябинами лицо,—но по сто сорок, сто пятьдесят пудов хлеба с каждого гектара мы имеем!..

Заместитель по политчасти Ильин должен был выступать после директора. Сухощавый, с резкими от прищура морщинками у глаз, он внимательно слушал слова Кострикова, изредка записывая автоматической ручкой. Капитан, армейский партийный работник, он недавно, уже во время уборки, приехал сюда из Берлина, по суткам жил в бригадах, мотаясь на тока и в мастерскую.

Районное начальство говорило, что новому замполиту повезло: принял лучшую МТС, годами налаженное производство, где и без него все идет, как по маслу. Это было справедливо: МТС в этом году, как всегда, первая в районе убрала урожай и сейчас праздновала победу.

Когда директор кончил доклад, слово взял Ильин:

— Товарищи! — сосредоточенно сказал он.—Наша МТС многое поняла в постановлении февральского Пленума — перестраивает свою работу. Это видно по урожаю. Директор станции Василий Иванович Костриков сейчас отмечал это. Однако, — посмотрел он на Кострикова, — думаю, что товарищи развернут критику.

— Недостатки у нас, конечно, есть,— добродушно, с сознанием крепко поработавшего человека, кивнул директор.

— Большие у нас достижения,—продолжал Ильин. — Урожай убрали досрочно, план по натуроплате перевыполняем, горючего не перерасходовали. За этими достижениями наш авторитет неприкосновенен — мы за ним, как за броней.

Ильин внимательно оглядел нарядно одетых людей.

— Сегодня утром ехали вы сюда из семнадцати наших колхозов. Скажите: много заметили соломы в скирдах? Полей, черных после лущения? Эти непролущенные поля и незаскирдованная солома тоже, как за броней, за нашими успехами?!

Люди переглянулись: собрание принимало другой оборот. Кто-то сдержанно спросил с места:

— Разве мы не выполняем записанного в договоре?

— Выполняем, — ответил Ильин. — По записанному все верно, а по партийному неверно. Поинтересуйтесь, о чем толкуют комсомольцы? Они говорят, что для нашей МТС выполнять только записанное — пройденная дорожка.

Ильин расправил под ремнем и согнал далеко за спину складки рубахи. От движения острые плечи выступили вперед, обозначились резче.

— Собрание меня извинит, я немного поломаю свое выступление. Товарищ Линник! Или вы — Заболотная, Иванова! Расскажите нам, что вы говорили вчера комсоргу о скирдовании, о лущении полей?

Все повернулись к названным. Стало тихо.

— Шо, и прижукли? — ткнула в спину девчат языкатая Кононенко — первый в МТС комбайнер, вызывающей красоты пожилая вдова.

— Это всем известно о скирдовании,— поднял брови сидящий в президиуме старший механик. — Колхозы не управляются вслед за комбайнами скирдовать солому; солома лежит на полях и задерживает нас с пахотой, с лущением. И кто не знает, что мы ночи не спим, добиваемся от них дела.

— Толку с того добивания! — отмахнувшись от окрика председателя, сказала, подымаясь, Кононенко. — До меня тоже один лодырь приставал, добивался жениться. А вы цытьте! — бросила она заулыбавшимся мужчинам. — Как же добиваемся, когда по эмтээсу все хорошо, а в колхозах солома лежит раскиданная, теряет под дождем питательность... На зиму коровам витамины выпишешь, чи як? Просил критики, товарищ замполит, так пожалуйста.

— Такой критики мало, — мягко сказал секретарь партбюро, очень молодой, светловолосый человек с двойным, глубоким шрамом на лице. — Солома — дело важное, но вы скажите и о земле.

Бабка Ильюхина, подсевшая к Кононенко, с досадой вскинула голову:

— Да кто ж о тех полях не знает? Пролущи, взрыхли их меленько за уборкой — сорняки в рыхленном зараз вылупятся из семян. Здесь их пропали, и все: весной поле будет чистое. А мы, верно она говорит, женихаемся — ждем, аж пока колхозы солому сволокут, пашем в ноябре, когда сорняк уж не поднимется, ждет себе весны, чтоб всходы загубить...

Ильин повернул к бухгалтеру заостренное лицо:

— Товарищ Бобров! Как это положение отражается на показателях станции?

— Собственно, никак... Скирдование по нашим отчетам не проходит.

Председатель, выпустивший руководство собранием, постучал по стакану и, переведя глаза с директора на секретаря партбюро, вопросительно сказал:

— Надо б в порядке выступать...

Штурвальный Линник попросил слова. Тонкошеий, совсем мальчишка, он неуверенно заговорил:

—Товарищ Ильин вызывал выступить, сказать, что мы говорили комсоргу о скирдовании? Говорили, что получается... —Линник запнулся, потом решительно сглотнул слюну.—Получается бездушный бюрократизм!! Отвечаю за эти слова. В договоре записали: мы скосим, они солому сгребут, и мы следом пролущим. А теперь не лущим и... как это называется?.. формально правы: солома ж лежит — не мы тормозим, колхозы.

— А колхозам скирдовать нечем, у них тягло занято, — подали реплику. — Ищи виноватого.

— Станция виновата! — окончательно теряя смущение, потушил реплику Линник. — Совет министров издал типовой договор, чтоб его придерживаться — верно! Но нельзя пользоваться договором бюрократически!

В прения записалось сразу еще семь человек.

Буриков, сутулый, черный от загара, точно выдубленный горячим ветром старик, переждал, пока успокоится шум:

— Проходить мимо лущевки, — кашлянул он, — все одно, что заниматься растратой. Лущевка дает твердое прибавление к урожаю. Мероприятие она проверенное, обходится недорого, но почему-то сверху предлагают нам планировать ее в малых количествах. Скажете — противоречие: и с малым не справляемся, а желаем большего. Верно — противоречие и выход из него такой: добиваться от Москвы, чтоб разрешили нам скирдовать тракторами. В нашей МТС семьдесят пять тракторов. Сорок пять хлеб убирали, а тридцать болтались. Их-то и бросить на солому.

— Спросите — где горючее брать? Об'ясняю: лучше перед уборкой не перевыполнять планы по легким работам, а сохранять горючее на скирдование, скирдовать и следом лущить. К Василию Ивановичу люди обращаются, доказывают, а он перед Москвой этот вопрос не ставит, потому что дело новое, вдруг где сорвется и нас рублем стукнет. Только, думается, что хуже, если нас совесть стукает...

В зале заскрипели стульями, решив, что Буриков кончил. Но Буриков медлил, разглаживая пушистые усы.

— Хорошо, что заговорили о делах,— он кашлянул в руку, — с этой государственной точки. Когда с одной экономической к вопросу подходишь, вроде начинаешь зарастать и делаться только хозяйственником: принял работу, выполнил, сдал по акту — и все. К примеру, боронование. Оно произведено нами на 140 процентов. Об этой цифре шумел район, газеты хвалили: «Сто сорок!» Решается вопрос о премнадбавке — эти «сто сорок» в первую очередь идут в ход,—вот она, экономическая точка. А надо б боронование, поскольку работа легкая, вообще оставить колхозам: выше своего эмтээсовского плана не лезь. А добиться права тракторами скирдовать, чтобы не опаздывать с лущевкой; да в пахоту вложить силы, и жать на глубину, а не на площадь. Тогда бы хоть на-глазок ухудшились показатели станции, зато были б государственней. А то сейчас любуемся на них, как на картинку, и обидно, что у многих сознание в покое.

Техник Волошев быстро пошел к трибуне, подергивая щекой.

— Ничего не пойму. О какой успокоенности разговор? Домой придешь, ребятишки за обедом говорят тебе что-нибудь, а ты не слышишь, — и дома вся мысль ходит вокруг того, чтоб машины были исправней, чтоб новое, хорошее в производство ввести.

— Правильно! Верно!—крикнули несколько голосов с места.

— И вот, — сильнее дергает щекой Волошев, — колют мне глаза, что я не государственный человек, чуть ли не чужой на этих, — он кивнул за окно,— полях.

Ильин внимательно смотрит на Волошева, сузив по своей привычке глаза.

— Товарищ Линник, — продолжает Волошев, — и руководству бросал упрек, дескать, бюрократически заключило договор с колхозами. Комсомольская организация должна в отношении Линника сделать выводы. Нельзя разрешать такие выступления против руководства. Наша станция тем и сильна, что в ней дисциплина. А раз на то пошло, не поверю, что руководство заключало договор формально. Если бы мы все действовали формально, вряд бы мы о себе забывали и здесь... и на фронте... то-есть скажу... — Волошев запнулся и, постояв секунду, быстро пошел на место.

За окнами, дальше молодых приусадебных посадок, над скошенными полями стоит тяжкий, послеполуденный зной. Ветер перестал долетать с Дона. Занавеси на окнах уже не парусят. Душно. Люди с блестящими от пота лбами и шеями, проголодавшиеся, не курившие больше двух часов, провожают глазами поспешно прошагавшего Волошева и опять поворачиваются к трибуне.

Семенов, старший агроном МТС, прежде чем говорить, протирает сильно выпуклые без оправы пенсне, склонив сухую, в вышитой на груди украинке фигуру.

— Люди вот обижаются, — близоруко морщась и надевая пенсне, говорит он. — И действительно, ответственное дело судить о станции, которая в трудных условиях войны заслужила орден, сейчас работает еще напряженнее и дает стране много хлеба. Может, именно поэтому говорить нужно. Остановлюсь на агрономии... Василий Иванович Костриков, безусловно, ценит хороших агрономов, но, к сожалению, не было случая, чтобы он так же жестко, как, например, за ремонт с руководителя мастерской, спрашивал с меня за воспитание нашими агрономами колхозников... Василий Иванович! Я уважаю вас, как делового человека, но утверждаю: не требуете вы с меня этого, что воспитательную работу, так сказать, внутреннюю борьбу с природой в показателях не учтешь. Правда, новый разговор начинается с того, что МТС с колхозами вместе обязуется вырастить такой-то конкретный урожай — сюда входит все. Но, бывает, засуха перечеркнет это обязательство, и мы не в ответе. Другое дело— неотремонтированные комбайны. Они черным по белому запишутся в показателях станции. А суховей что? Слепое обстоятельство?

Семенов сдергивает пенсне, мигает обезоруженными глазами в сторону Кострикова.

— Но агрономия — она ищет, нащупывает сопротивление суховею и в земле, и в пшенице, формирует характер пшеницы! Здесь агроном сам ничего не сделает, а с колхозниками он — сила. Одно звено опыт проведет, в другом, может, сорвется, или, наоборот, отыщут правильную стежку... Вы, Василий Иванович, с рабочими МТС проводите производственную учебу. Потому что считаете вы рабочих станции «своими», а колхозы—только заказчиками на наши комбайны. Оттого вам безразлично воспитание колхозников агрономами. А здесь нужна, позволю сказать, государственная точка, о которой говорил Буриков.

— Раз так, я тоже скажу, — идя к столу навстречу Семенову, начала сухощавая трактористка Степушкина.—Должны мы нашим знатным людям за их дела в ножки кланяться, но когда они заедаются, надо их ставить на место. Возили мы комбайн Игната Рязанова, убирали пшеницу в «Победе». С Дона низовка тянет, колос отсырел и плохо вымолачивается. Колхозники говорят: «Товарищ Рязанов, зерно уходит с половкой — коси на полхедера». А Игнат отвечает: — Степушкина глазами отыскивает его в зале. — Да ты встань со стула, Игнат, пусть на тебя посмотрят! Отвечает колхозникам: «Я на всю область известный человек. Политически важно, чтобы мой комбайн убрал больше гектаров. На полхедера перейти не могу»... Судить тебя надо, Игнат!

В зале поднялся шум. Председатель застучал по столу:

— Тихо! Об'является перерыв.

Вместе с выходящим из дверей народом вытекает парная духота. На дворе тоже стоит жар, но сухой, пропеченный солнцем и наполненный запахом степи второй половины лета. Еще в дверях, даже не дойдя до дверей, люди прикуривают, дымя, расправляя плечи, выходят на площадку перед клубом. От площадки разбегаются две овальные клумбы белого табака, закрывшегося на солнце.

— Эх, придумывают для себя люди мороку. Со стороны не говорят, так сами. Хорошо ведь работа идет. Нет, затеяли...

Ильин стоит в толпе, щурясь и покусывая крупными сильными зубами мундштук папироски. Рядом с Ильиным стоит секретарь партийного бюро. Костриков грузно подходит сзади и, беря секретаря за локоть, спрашивает по привычке покровительственным тоном:

— Ну, всыпали нам?

— Василий Иванович!.. Бюро с себя вины не снимает. Проглядело. Нет еще у меня партийного опыта...

— Ничего, — говорит Ильин.—С ним не рождаются. Наживешь.

— Ладно! — Белесое молодое лицо секретаря краснеет, кроме всегда серого, стянутого узлами шрама. — Мало еще было критики. Сейчас вот перерыв кончится!.. От критики умнеют. Начнем учиться и учить.

По шоссейной дороге идут в одну сторону машины-порожняк, в другую — груженые; и пыль застилает линию телеграфных столбов, вытянутую над дорогой. Издали видно, как плывет в синеве орел, снижается и, часто замахав крыльями, садится на столб, не боясь привычных машин.

Через несколько минут люди снова собрались в зале. Председатель об'явил:

— Слово имеет секретарь партийного бюро.

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Важна и ответственна роль советского театра в деле воспитания трудящихся. Два года назад ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» указал, что театр сможет выполнить свою роль «только в том случае, если он будет активно пропагандировать политику советского государства, которая является жизненной основой советского строя».

Исторический смысл этого постановления заключается в том, что в нем наряду с глубоким анализом причин неудовлетворительного состояния репертуара дана по-большевистски ясная программа развития нашей драматургии. Центральный Комитет партии призвал к решительной борьбе с явлениями низкопоклонства перед театральной культурой буржуазного Запада, с проникновением на сцены театров безидейных, антихудожественных пьес, искажающих и опошляющих нашу современность. Он поставил перед драматургами, театральными и писательскими организациями серьезную задачу: создать глубоко идейные, полноценные в художественном отношении пьесы и спектакли, отображающие жизнь советского общества в ее непрестанном движении вперед, произведения, способствующие развитию лучших сторон советского человека.

Оздоровляющее влияние суровой большевистской критики со всей силой сказалось на освобождении наших театров от пошлых и низкопробных произведений современной западной драматургии, проповедующей буржуазные взгляды и мораль. Постановление ЦК ВКП(б) вдохновило передовых представителей многонациональной советской драматургии на создание произведений, волнующих советского зрителя. «Русский вопрос» К. Симонова, «Великая сила» Б. Ромашова, «Жизнь в цитадели» и «Борьба без линии фронта» А. Якобсона, «Глина и фарфор» А. Григулиса, «Хлеб наш насущный» Н. Вирты, «В одном городе» А. Софронова, «Закон чести» А. Штейна, «Константин Заслонов» А. Мовзона, «Макар Дубрава» А. Корнейчука, «Обида» А. Сурова — во всех этих пьесах выразилось стремление поставить животрепещущие проблемы нашей современности, что и определило их признание у советской общественности.

В развитии наших театров совершается серьезный шаг. Переход на бездотационную работу — серьезный экзамен творческой зрелости театров. Вопросы высококачественного репертуара, сочетающего идейность с совершенной драматургической формой и ярким сценическим воплощением, ныне стоят попрежнему остро.

Несмотря на некоторые успехи нашей драматургии, состояние репертуара театров еще далеко не удовлетворяет возросшим требованиям зрителя. Прежде всего, хороших пьес мало. Художественные и сценические достоинства отдельных драматических произведений не всегда соответствуют глубине содержания. Очевидны тематическая узость и жанровая бедность современного репертуара. Многие коренные вопросы нашего движения вперед не находят отражения в драматургии. На театральных подмостках еще появляются слабые пьесы, написанные крайне неряшливо.

Положение с современным репертуаром во многих театрах остается крайне напряженным. Так, например, Московский театр имени Вахтангова до конца года намерен показать зрителю только одну пьесу советских авторов и, к тому же, не на современную тему. Часть будущих премьер ведущих московских театров состоит из пьес, уже поставленных другими театрами.

Слишком медленный рост современного высококачественного репертуара об'ясняется исключительно тем, что в писательской и театральной среде еще не изжиты многие из недостатков, на которые указывало постановление Центрального Комитета партии. Одной из важных причин этого медленного роста является попрежнему неудовлетворительная работа драматургов. Ряд известных писателей, с чьими именами связано становление советской драматургии, не создает новых произведений. «Многие драматурги стоят в стороне от коренных вопросов современности, не знают жизни и запросов народа».

Комиссия по драматургии Союза советских писателей не смогла стать идейным и творческим центром, возглавляющим развитие нашей драматургии. Комиссия попыталась организовать ряд дискуссий по теоретическим вопросам—«Пути развития советской комедии», «Проблемы одноактной пьесы», провела совещание, посвященное разработке вопросов теории советской драмы. Однако эти мероприятия оказались плохо подготовленными, проходили на весьма низком идейном и теоретическом уровне и не дали ощутимых результатов. Насущными вопросами современного театра комиссия не занимается.

Театральная критика попрежнему является слабейшим участком нашей художественной критики. Отсутствуют статьи о проблемах советской драмы, подытоживающие опыт советской драматургии, статьи, насущно необходимые для ее дальнейшего развития. Критика часто оказывается беспомощной в выяснении особенностей сценического произведения и неспособной разобраться в причинах его успеха или неудачи у зрителя. Кадры театральных критиков малочисленны, а о выдвижении новых критиков и их воспитании не заботятся ни писательские организации, ни газеты, ни журналы.

Старое руководство Комитета по делам искусств не смогло выполнить возложенные на него задачи. Многие недостатки, свойственные работе старого руководства, не изжиты до сих пор. Комитет по делам искусств не проявляет должной твердости в борьбе с не свойственным советской театральной культуре антрепренерским душком, существующим среди руководителей отдельных театров, не контролирует работу театров с авторами. Создание большой современной драматургии немыслимо без привлечения новых молодых драматургических кадров, а план предстоящего сезона в московских театрах пока не обещает новых имен.

«Необходимо, — говорилось в постановлении ЦК ВКП(б),— чтобы все писатели, способные создавать произведения драматургии, активно, творчески включились в насущное дело создания репертуара театров, достойного по своему качеству современного зрителя».

Задача привлечения к драматургии возможно большего количества авторов и организации их работы стоит сейчас перед Союзом писателей и Комитетом по делам искусств. Только последовательно и неуклонно выполняя постановление ЦК ВКП(б), обязавшего Комитет по делам искусств и правление Союза советских писателей «сосредоточить внимание на создании современного советского репертуара», мы сможем превратить наши театры в подлинные рассадники социалистической культуры, передовой советской идеологии и морали.

Второй с'езд советских писателей Украины

КИЕВ. (**Наш корр.**) Состоялось расширенное заседание президиума Союза советских писателей Украины. На этом заседании принято решение о созыве в Киеве в декабре 1948 года второго с'езда советских писателей Украины.

9 сентября в Киеве состоится республиканское совещание писателей по вопросам детской литературы, которое явится одним из этапов подготовки к с'езду.

ВЫСТАВКА НОВОЙ ГОРНОЙ ТЕХНИКИ

В Москве, в Доме союзов, готовится к открытию выставка, на которой будут представлены достижения горной науки и передовая техника угольных шахт. Экспонаты ее покажут технические средства, облегчающие труд шахтеров.

Действующие макеты наглядно продемонстрируют посетителям выставки систему комплексной автоматизации производственных процессов в угольных шахтах — одно из последних достижений советской горной науки. Тут же будут показаны специальные аппараты шахтной связи, макеты устройства для механизации разгрузочных линий и другие механизмы.

Большой интерес представляет селеновый выпрямитель для зарядки аккумуляторов шахтных электровозов. Этот экспонат — одно из советских изобретений, удостоенное в 1947 году Сталинской премии. Интересны и новейшие образцы шахтных светильников, которые увидят посетители выставки. Это — лампы люминисцентного света, аккумуляторные светильники с повышенной осветительной силой, специальные лампы для группового освещения в забое.

Выставка будет открыта во всесоюзный День шахтера. Устроители ее — Всесоюзный научно-исследовательский угольный институт и Государственный институт по проектированию угольного машиностроения Министерства угольной промышленности восточных районов СССР.

Районный финансист

Руд. БЕРШАДСКИЙ
Специальный корреспондент «Литературной газеты»

«Дело» Каменского отнюдь не заключало в себе чего-либо из ряда вон выходящего, наоборот, было, к сожалению, достаточно обыденным. Но именно поэтому Клавдия Ивановна Антонова, заведующая Никологорским райфинотделом Владимирской области, решила непременно настоять на своем.

Каменский, председатель Афонасовского сельсовета, как-то подписал несколько справок, не проверив их, как следовало, лично, а положившись на подпись секретаря сельсовета. Справки же оказались неточными...

Когда Антонова по долгу своей службы вскрыла это и позвонила Каменскому в Афонасово, он очень расстроился — действительно, какая оплошность!.. Но когда она спросила его, а что практически он намерен предпринять в связи с тем, что эта неточность встала государству в 1.100 загубленных рублей, Каменский удивился: а что же можно сделать? Ведь того, что случилось, уже не вернуть!

Антонова усмехнулась: не первый раз в подобных случаях она наталкивалась на такую, просто-таки, трогательно-наивную «беспомощность». Что ж, она ему поможет: пусть возмещает государству нанесенный убыток из личных средств. Хочет, может один — все тысячу сто. Хочет, — может вдвоем с секретарем. Она его права председателя уважает, — подсказывать, кто там больше виноват, не станет, пусть сам разбирается.

Но тут на нее насели из райсовета.

— Клавдия Ивановна, да как же это ты так рассудила формально! Каменский — один из лучших председателей сельсоветов, а ты, ни с кем не посоветовавшись... И что он—в корыстных целях, что ли? А ты его — так, как будто он их себе в карман положил: гони тысячу назад, не то под суд! Ай-яй-яй...

Антонова вскипела:

— Что — «ай-яй-яй»? Что вы меня уговариваете? Вам государство, что ли, утвердило графу: «Расплата государственными деньгами за беззаботность, лень, простофильство и прочие безответственные поступки некоторых руководящих товарищей»? Утвердило, я вас спрашиваю?

На том и кончила разговор. Потом жалела — многого недосказала. Во-первых, недосказала своему уважаемому собеседнику, что он, хотя и уважаемый, но смотрит на финансового работника, как какой-нибудь старорежимный купец на верного приказчика, который — только прикажи ему!—и Савла в Павла обратит, и черное белым сделает, и любое беззаконие так заштукатурит «цыфирью», что потом сто лет в этом месте ковыряй—все равно, до правды не докопаешься. Или—другая крайность — считает финансового работника лишь мелким механическим придатком к арифмометру. А ей в равной степени обиден и тот и другой взгляд на человека ее профессии, обидно, когда кое-кто еще рассматривает счетных работников, как непременно самую аполитичную часть государственного аппарата: где им, мол, за счетами живого человека увидеть!

А что финансовый аппарат — аппарат громадной политической силы и что поэтому важно воспитывать даже самого незаметного счетного работника особенно тщательно, втолковывать ему постоянно, что он на передовых позициях пятилетки, — об этом часто забывают. Зайди речь о политическом воспитании заводских рабочих или колхозников,—тут всегда все найдется: и время у руководителей любого масштаба, и лучшие пропагандистские силы, и необходимые материальные ресурсы. А вот политическое воспитание бухгалтера, счетовода, кассира...

В общем, многого еще недосказала. Кстати, и того, что она не только дело с Каменским не позволит на полпути бросить, но также и с Давыдовым. Это факт, что Давыдов, воспользовавшись своим служебным положением председателя поселкового совета, провел ремонт дома, в котором поселился, без составления сметы и перерасходовал при этом 23 тысячи? Факт! А ремонт восьмиквартирного дома, где живут пятнадцать семей, на двадцать процентов материалом не обеспечил. Нет, она этого дела так не оставит...

***

Клавдия Ивановна Антонова частенько отправляется в стареньком райфинотдельском тарантасе в об'езд по району. Школьные учебники учили ее: числа делятся на отвлеченные и именованные. Хотя, как финансист, она имеет дело с числами непрестанно, но ничего отвлеченного в районе не знает — все для нее точно поименованное.

Вот она правит в Зашихинский колхоз — провести выборочное обследование правильности сведений о величине приусадебных участков. Много колхозов на ее пути, в каждый хочется заехать, посмотреть, что нового, хорошо ли в одном селе строят новый скотный двор, в другом ремонтируют школу, в третьем подводят столбы электропередачи к самой деревне. Вот в Желнине уже полностью все дома электрифицировали; Окатово — в горячке стройки. Это Мальков будто новую кровь в окатовский колхоз влил. Вернулся с войны инвалидом, но когда его наметили председателем, отказываться не стал. И так повернул теперь дело, что Окатово на первое место в районе уже стремится выйти. Едет Антонова и мимо Шашнева—самого передового колхоза в районе, и мимо других деревень. Но сейчас она в них не останавливается, — первым делом, в Зашиху.

В прошлую поездку по району она увидела, что учительница, сноха председателя Зашихинского колхоза, засеяла на школьном участке рожь. Во-первых, она вообще не имела права на школьный участок, поскольку живет не при школе, а ведет общее хозяйство со свекром. Во-вторых, как она воспитает в коммунистическом духе своих учеников, если верит в силы колхоза так слабо, что использует приусадебный участок под зерновые?

Хотя Антонова отправилась в Зашиху лишь для выборочного обследования об'ектов налогового обложения, но, как видим, выбор ее не случаен.

По приезде на место Антонова сразу выяснила, что председатель Зашихинского колхоза Шмелев отхватил себе под приусадебный участок 0,42 га, а в сведениях утаил это, показал, что только 0,15 га.

Финансовый агент произвел точный обмер участка. Шмелеву осталось лишь расписаться в правильности обмера... Дело не ограничится тем, что он будет лишен большей части участка, как незаконно захваченной. Предварительно он еще уплатит налог за все захваченное: чтоб неповадно было в другой раз зариться на колхозное. А кроме того, Антонова завтра же в райсовете поставит вопрос о делах Зашихинского колхоза. А также обзвонит агентов во всех других сельсоветах и доложит им, что обнаружила в Зашихе. Чтоб у себя не допускали такого!

В районе пятнадцать сельсоветов. Клавдия Ивановна не устанет звонить пятнадцать раз. Лично.

***

Никологорский район — район примечательный. Но не какими-нибудь выдающимися достижениями или уникальными предприятиями, — нет, как раз заурядностью своего хозяйственного лица: 151 колхоз, 8 (сравнительно небольших) фабрик по переработке отходов льна и хлопчатобумажной промышленности, 7 промысловых артелей, занимающихся в основном тем же, — вот и все.

В прошлом году промартелям не завезли достаточного количества сырья. Антонова подняла на ноги областное управление кооперации, свое финансовое ведомство, облисполком. Писала, звонила по телефону, ездила во Владимир, убеждала, уговаривала, ругалась, грозилась. В конце концов, сырья выдали, сколько требовалось, и промкооперация района завершила 1947 год даже с перевыполнением плана.

Когда над Антоновой подшучивали: «В промкооперацию переметнулась!», — она отвечала в тон: «Нет, это я за выполнение районного бюджета ратую, за свое ведомство болею. А ну артели не выполнят плана, если их не обеспечат сырьем? Тогда ведь и у меня окажется невыполнение бюджета».

Но так же яро, как защищать, Антонова умеет и нападать, когда надо. Крупнейшая промартель района — имени Сталина. За анализ ее баланса Антонова взялась лично. Рядом с собой посадила Хвалову — старшего инспектора по госдоходам, работника такого же молодого в области финансов, какой сама была двенадцать лет назад.

— Ну, что скажете по балансу о работе артели? Финансовый план выполнен на 135 процентов. Хорошо?

— А как же!

— И можно, значит, пожелать им и дальше так работать? — Для убедительности, но совершенно механически Клавдия Ивановна положила в это время на счетах одну костяшку.—Денег артелью выручено больше, чем намечалось. Но хорошо это или плохо, — здесь палец ее вновь лег на только что положенную костяшку,—это нам еще предстоит выяснить.— Костяшка резко полетела обратно. — Как, по-вашему, что такое анализ баланса?

Хвалова знала это по-книжному. Антонова показала ей, как превращать его в проверку цифр жизнью.

— Полюбуйтесь: вот нам в балансе преподнесли «экономию» на оплате сырья. А эта «экономия» — за счет того, что артель имени Сталина об'явила рекламацию нескольких партий присланного сырья, т. е. поставщик нарушил обязательства и вместо высших сортов прислал низшие.

Антонова не ограничивается тем, что об'яснила это Хваловой. Она вызывает руководителей артели:

— Ваше хозяйство, как вы считаете, социалистическое? Так как же вы осмеливаетесь называть своей прибылью то, что всем нам—только в убыток? Из-за низкосортного сырья вы снабдили потребителя менее прочным товаром, — и это, по-вашему, достижение?

Нет, далеко не всякой «прибылью» довольна заведующая Никологорским райфинотделом. Много лет, например, ряд сельсоветов не выполнял своих бюджетов по части расходов. Деньги были «сэкономлены», но на практике это означало то неполностью снабженную учебниками или дровами школу, то бездействующий медучасток...

В 1947 году сельсоветы района впервые справились со своими бюджетами полностью. Правда, почти каждые две недели Клавдия Ивановна заставляла сельсоветы отчитываться на заседаниях исполкома райсовета о ходе выполнения финансовых планов. Но чем же это плохо?

Добивалась того же от разных организаций. Например, житья не дала районной больнице и яслям: почему не расходуете полностью денег, отпущенных на питание детей и больных? Нет нужных продуктов в государственных магазинах? Не ленитесь, — заготовьте их в колхозах по государственным ценам, на колхозном рынке купите! Яйца, овощи, молочные продукты найдете по тем же ценам!

***

Никологорский район — средний район. Нечем ему особенно хвастаться ни в области сельского хозяйства, ни в области промышленности. Но когда Клавдия Ивановна порою пробует сравнить сегодняшнюю картину района с той, которую она застала двенадцать лет назад, приехавши сюда со школьной скамьи техникума неопытным бухгалтером, то сама удивляется: как неузнаваемо изменилось все. Да и она сама, если подумать... Как, например, боялась подступиться к, казалось, громадному бюджету района в девятьсот тысяч! А теперь бюджет—семь с половиной миллионов!

Клавдия Ивановна возвращается в Никологоры из очередной поездки по району, тарантас ее плывет по морю хлебов. Вот он, бюджет: когда приехала сюда, под посевами было восемь тысяч гектаров, а теперь — тринадцать. Когда приехала — плакала: глушь, в Никологорах со свечой сиди! А теперь электрификация закончена почти в двадцати колхозах района. Даже сама земля — и та, как будто, переродилась: разве сравнить нынешний обычный урожай и тогдашние? Впрочем, и то сказать: как люди тогда работали и с какой сознательностью теперь трудятся — тоже не сравнишь.

Вечером в исполкоме райсовета открывается первое совещание бухгалтеров района. Председатель райсовета Василий Максимович Потапов, хотя сразу же поддержал предложение Антоновой начать регулярно проводить такие совещания, но никак не соглашался пообещать, что проведет первое лично. Однако Клавдия Ивановна настояла на своем.

— Василий Максимович, вы ж поймите, — если его проведу я, это совсем другой эффект будет. А я что хочу? Чтобы бухгалтеры почувствовали: не один финотдел ими интересуется, — вся советская власть на них смотрит! А потом—со счетоводами такое же.

Потапову радостно было смотреть на Антонову — правильного работника Никологоры вырастили! Доля и его труда в том была, но, тем не менее, он взмолился:

— И со счетоводами потом? Пощади! Время горячее, летнее, мне в колхозы вот так надо,—он провел ладонью по шее.— Может быть, отложим, все-таки?

— Что вы! Как раз оно и лучше, что в горячее время. Это счетные работники вдвойне оценят!

...Вот, пожалуй, с этого она и начнет свое выступление на совещании бухгалтеров: что бюджет — это живые люди, а не «цыфирь». И поэтому тот, кто этими цифрами занимается, непременно должен иметь живую большевистскую душу.

НИКОЛОГОРЫ,
Владимирской области.

Декларации и дела одной комиссии

Вл. БАХМЕТЬЕВ

В докладе на I Всесоюзном с'езде советских писателей А. М. Горький говорил о задачах Союза писателей: «Мне кажется, что Союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но интересы литературы в се целом. Союз должен в какой-то мере взять на себя руководство армией начинающих писателей, должен организовать ее, распределить ее силы по различным работам и учить работать с материалом прошлого и настоящего».

Невольно опять и опять вспоминаешь эти слова великого писателя, когда читаешь письма, присланные в «Литературную газету», знакомишься с деятельностью комиссии по работе с молодыми авторами Союза советских писателей.

Из города Горького пишет слесарь Автозавода т. Емелин: «При редакции газеты «Автозаводец» работала литературная группа, но в настоящее время она распадается. Литературная группа ниоткуда не получает поддержки. Ее работой никто не интересуется. А на заводе есть одаренные люди».

Вот письмо Ф. Погорелова из г. Андижана Узбекской ССР. Автор с горечью отмечает, что молодые писатели республики забыты Союзом писателей, что литературные об'единения при республиканских и областных газетах распались, газеты перестали печатать местных авторов, сотрудники редакций даже не отвечают на письма молодых авторов.

«В прошлом году в г. Ташкенте, — сообщает Ф. Погорелов,—состоялось республиканское совещание молодых писателей. Тогда произносились громкие речи, руководящие работники правления Союза советских писателей заявляли о том, что молодым и начинающим авторам будет оказываться всемерная помощь консультацией, лучшие произведения будут продвигаться в журналы и газеты... Кончилось совещание, и все обещания оказались пустыми. Положение не изменилось. Попрежнему молодые авторы лишены внимания».

Так обстоит дело в одной из крупнейших среднеазиатских республик. В несколько лучшем положении находятся молодые писатели Белоруссии. При республиканских молодежных газетах, а затем и при областных образованы литературные об'единения. Союз писателей Белоруссии решил обсуждать в творческих секциях не только произведения членов союза, но и все новые произведения молодых и начинающих авторов. А комиссия Союза советских писателей СССР?.. Впрочем, предоставим слово секретарю ССП Белоруссии П. Ковалеву: «Мы не чувствуем действенной помощи со стороны комиссии по работе с молодыми авторами ССП СССР. В одном эта комиссия действует энергично — в присылке директив. Но это же не главное! Для нас особенно важна организация переводов лучших произведений молодых писателей на русский язык. На наш взгляд, долг комиссии — замечать все свежее, оригинальное, талантливое, что выходит из-под пера молодых писателей, делать его достоянием широких читательских кругов всех братских литератур».

Но, быть может, в Москве, где работает комиссия союза, дело обстоит иначе? Нет, и здесь не лучше!

«Комиссия по работе с молодыми авторами, организованная при правлении Союза советских писателей и ЦК ВЛКСМ, создана для руководства всей работой по выявлению молодых, новых творческих авторов, идейному их воспитанию, оказанию молодым авторам творческой помощи и продвижению их произведений в печать», — гласит «Положение о комиссии по работе с молодыми авторами».

Но с первых же своих шагов комиссия, так сказать, уточнила «Положение»: было решено работать только с теми авторами, которые уже выступают со своими произведениями в печати. Этаким, мягко выражаясь, вольным толкованием своих обязанностей начисто была отвергнута основная задача комиссии — «выявление молодых авторов».

У комиссии наблюдается странная боязнь популяризации самого факта ее существования. Ответственный секретарь комиссии Е. Пральников пожелал, например, однажды, чтобы в печати вообще пореже упоминалось о комиссии, мотивируя это тем, что она будет завалена рукописями после того, как в стране узнают о ее существовании. А пока что почта не доставляет комиссии излишних хлопот. Она ничтожна—четыре-пять писем в день.

Много прекрасных пунктов содержит вышеупомянутое «Положение о комиссии». Один из них требует «оказания творческой помощи литоб'единениям при отделениях ССП, журналах и издательствах, распространения опыта работы отдельных литоб'единений через «Литературную газету» и «Комсомольскую правду», журналы ЦК ВЛКСМ и ССП». Однако ни разу комиссия не обращалась с подобными предложениями ни в газеты, ни в журналы. Впрочем, ей и не с чем, собственно, выступать. Она даже о работе литературных об'единений в областях и республиках почти ничего не знает.

В нынешнем году в нескольких городах РСФСР состоялись конференции молодых писателей, организованные обкомами ВЛКСМ и местными газетами. На конференции по командировкам комиссии выезжали ее представители.

Но тщетно искать в отчетах о поездках более или менее исчерпывающей характеристики литературной жизни, оценки творческой деятельности отдельных авторов и т. п. Вот что сумел обнаружить, например, И. Рахтанов, выезжавший в Тамбов для выяснения возможности издания альманаха: «Авторы в большинстве фронтовая молодежь... Делятся они... на прозаиков и поэтов». Скороговоркой рассказав о трех повестях местных авторов, тов. Рахтанов продолжает: «Суммируя, мы имеем три больших прозаических произведения, каждое из которых может составить ядро будущего альманаха. К ним примыкают стихи. Поэтов в Тамбове немало. Люди это разной литературной грамотности и разных способностей. Среди них, на мой взгляд, следует выделить: Сергея Голованова, работающего в редакции областной газеты и пишущего пейзажные, лирические стихи; Александра Галовашина, владеющего темами самого широкого диапазона — от фронтовых до строительных, близкого к нему Ивана Кучина и, наконец, С. Милосердова, выступившего недавно с циклом стихов, посвященных родному городу... Таковы поэты, живущие в Тамбове».

Далее следует беглое и невразумительное сообщение «о литературоведах и знатоках края».

«Вот и все, — заканчивает И. Рахтанов и приходит к неожиданному выводу.— Считаю, что время для издания в Тамбове литературного альманаха вполне наступило. Если он не будет осуществлен, группа молодых литераторов распадется, а это было бы ошибкой».

Возвратившись из Орла, штатный работник комиссии В. Орлова констатирует: «Ни одного сколько-нибудь ценного прозаического произведения орловского автора мне не удалось найти». Впрочем, это не помешало т. Орловой поддержать идею о создании альманаха, так как, видите ли, «не исключена возможность, что когда будет извещено о подготовке альманаха, найдутся в Орле и области авторы, доселе не известные».

В подобного рода отчетах неприкрыто сквозит желание переложить заботу о молодых писателях на плечи других организаций. А. Кронгауз, побывав в Туле, пишет: «Мои предложения:

1. Рекомендовать Обкому ВЛКСМ обратить внимание на работу молодых писателей, направлять эту работу и воспитывать их.

2. Рекомендовать отделу пропаганды Обкома ВКП(б) организовать в Туле семинар для молодых писателей, где прочитать им лекции...»

Зинаида Чалая после конференции начинающих писателей Кузбасса сообщает комиссии: «Созданное в результате конференции литературное об'единение под руководством Обкома ВЛКСМ, надо надеяться, организует и направит литературную жизнь области...»

Да, надо надеяться, что обкомы ВЛКСМ сумеют «направить и организовать работу молодых писателей». Но... какую же роль в руководстве этими писателями комиссия по работе с молодыми авторами отводит себе?

Два других пункта «Положения о комиссии» гласят: комиссия «рекомендует литературно-художественным журналам и издательствам новые удачные произведения неизвестных авторов для печатания» и «помогает молодым авторам в печатании их произведений в газетах, журналах и издательствах».

Посмотрим, как выполняются эти пункты.

Рецензент комиссии Д. Либерман, положительно оценив очерк Л. Немковского «В вагоне» и сочтя его пригодным для печати, советует автору «послать его в газету или в какой-либо массовый журнал».

Насколько любезен, настолько и беспредметен в своей доброжелательности рецензент Б. Бобович: «Вы сумели, — пишет он тов. Петрову, — мужественно и, вместе, глубоко лирично, с подлинным чувством патриотизма рассказать о буднях далекого Севера». Указав дальше на два небольших «пятнышка», встреченных им в стихах, рецензент, а вместе с ним и «отзывчивая» комиссия желают автору... «удач и творческих успехов» и просят «поддерживать с нами связь».

Вот другое письмо-рецензия того же Б. Бобовича. Адресат — т. Ященко. «Присланные вами стихи представляют несомненный интерес... «Слово» написано мастерски, легко, изящно... Стихотворение «Первое мая» написано неплохо». А в конце тов. Бобович вопрошает: «Что предполагаете вы в дальнейшем?»

А где же комиссия? Ведь, согласно положению, она сама должна продвигать в печать произведения начинающих писателей, а не отделываться благожелательными советами послать свои произведения «в газету», «обратиться в альманах» и т. д. и т. п. До этого начинающие писатели могут додуматься и без помощи «чутких» рецензентов.

Не выполняет комиссия и другие свои обязанности, среди которых и организация совместно с редакциями газет и журналов конкурсов на лучшие художественные произведения, и проведение открытых литературных вечеров, диспутов, литературных творческих конференций с обсуждением произведений молодых писателей, и еще многое другое.

Самоустранилась она и от вопроса об организации и восстановлении литературных консультаций.

Итак, дальше общих деклараций и беспомощных попыток комиссия не пошла. Она не удовлетворяет своему назначению, не выполняет своих обязанностей и, по существу, оторвана от жизни литературной молодежи. Союз советских писателей мало уделяет внимания деятельности комиссии, недостаточно руководит ею. Об этом говорит и такой факт, что менее чем за год своего существования состав комиссии менялся трижды.

Молодежь — будущее нашей литературы, и заботиться о ее воспитании нужно так, как учат этому партия и товарищ Сталин.

СТИЛИЗОВАННАЯ БЕССОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ

И. ГРИНБЕРГ

Пятьдесят лет тому назад исторические романы выпускались нескончаемыми сериями. Здесь были романы о Петре I, о войнах екатерининского времени, о 1812 годе. Но тщетно мы стали бы искать в них правдивого и сколько-нибудь содержательного рассказа о прошлом нашей страны, о ее выдающихся людях, о жизни народных масс. История здесь была только поводом для условного и поверхностного сочинительства. Для каждого исторического периода имелся особый «набор» приемов и мотивов, по-разному варьируемых, но в основе своей неизменных. Для петровской эпохи — бритье бород и голландские шкиперы, для Екатерины — дуэли, придворные интриги и благосклонность «матушки-царицы», для 1812 года — пожар родовой усадьбы и случайная встреча с «дерзким, но пленительным корсиканцем». И постоянной «приправой» к событиям всех времен была «романтическая», «неземная» любовь.

Эти сочинения различных авторов, чрезвычайно вольно и небрежно обращавшихся с фактами истории, давно уже забыты.

Вот почему необ'яснимым кажется появление повести Б. Папаригопуло, напечатанной в номерах 4 и 5 журнала «Звезда» за 1948 год. Называется она «Штурм Измаила» и по видимости посвящена одной из замечательных побед, одержанных русскими войсками в конце восемнадцатого века под водительством А. В. Суворова. Но только по видимости. В действительности же здесь повторены наиболее ходкие и употребительные штампы старых исторических романов.

Нужно отдать справедливость автору,— он проявил немалую начитанность, собрав все нехитрые изобретения романистов давно прошедших времен. Здесь можно встретить и великосветских шулеров, и окруженных тайной, загадочных злодеев, и благородных красавиц, и верных денщиков, и наемных убийц, но нельзя обнаружить ни исторической, ни художественной правды. Замечательные события и выдающиеся люди прошлого используются лишь в качестве предлога для довольно беспорядочной смены приключений. Да и сам герой повести Старицкий, традиционный дворянский юноша, в меру добродетельный, в меру верноподданный, по сути дела, совершенно бесцветен, безличен.

При этом Старицкого никак нельзя упрекнуть в бездеятельности. Он все время куда-нибудь скачет, кого-нибудь спасает, совершает какие-нибудь подвиги. Его подстерегают наемные убийцы и засады, он, по поручению самого Суворова, проникает в Измаил, чтобы проверить показания лазутчиков. Он дерется на поединке со своим лучшим другом и разоблачает знатного шулера.

Автор сажает своего героя в турецкую тюрьму, чтобы тотчас же извлечь его оттуда милостью сераскира и трехбунчужного паши, затем ввергает его в новые несчастья, которые столь же молниеносно и столь же немотивированно сменяются блестящими успехами. И право, герой так же мало виноват в своих бедах, как мало заслужил и свои успехи. Несмотря на всю свою видимую активность, он только покорное орудие в руках повествователя, только стержень, на который нанизываются всевозможные приключения, а не живой образ. Его любовь к далекой Машеньке отличается той самой «идеальностью», над которой смеялся еще В. Г. Белинский, справедливо видя в «возвышенных, небесных страстях» форму ухода от живой, реальной жизни. Его дружба с Валерьяном также рождена не движением сердца, а движением интриги. И, наконец, представления героя о воинской чести, гражданском долге находятся на уровне литературных приложений к «Ниве», скажем, за 1912 год.

Александр Васильевич Суворов появляется в повести лишь для того, чтобы произнести несколько фраз и обнаружить те качества, которые приводятся в каждом сборнике исторических анекдотов, и, наконец, чтобы осудить недруга героя — «петиметра» Кормилицына и произвести в судьбе самого рассказчика (повесть написана от первого лица) благодетельные перемены. Суворова-полководца, Суворова-стратега и организатора, теоретика и воспитателя — нет в повести. Да и как мог возникнуть он в произведении, построенном по ветхим и негодным канонам!

Правда, в повести есть несколько глав, свидетельствующих о том, что Б. Папаригопуло располагает возможностями для работы более серьезной и плодотворной. Мы имеем в виду изображение штурма и взятия крепости. Здесь автор как-будто позабыл об избранном им пути легковесной «авантюрности», отодвинул в сторону своих условных неживых героев и с искренним волнением рассказал об отваге солдат и мастерстве военачальников, руководимых Суворовым. Но затихает шум сражения, и снова вступают в свои права излюбленные автором картинные эффекты.

Отсутствие правильного ощущения эпохи нельзя возместить ничем. Не составляет особенного труда писать «сей» вместо «этот» и «каковой» вместо «который», ставить прилагательное после существительного и употреблять кое-где «ибо», «оный», «преблагополучно». Но так же легко и заметить бессодержательность этой стилизации. Автор не пошел дальше повторения образцов, к тому же не заслуживающих подражания.

Кажется, главное желание автора—во что бы то ни стало развлечь читателя, потешить его возможно большим количеством «занимательных» положений. Герои повести произносят пышные тирады, рассказывают о своих глубоких чувствах, совершают множество разнообразных поступков. Но нет в этой сутолоке внутреннего смысла и цели: поступки неоправданы, слова безжизненны, чувства надуманы, и потому не занимают нас приключения, не волнует судьба действующих лиц. Да и сам автор равнодушен к ним: ведь в свою повесть он вложил одну только профессиональную «умелость» опытного литератора, которая без творческого подхода к историческим событиям оборачивается бездушным и холодным ремесленничеством.

Б. Папаригопуло. «Штурм Измаила». «Звезда». №№ 4, 5, 1948 г.

Сорок новых шахтерских городов

Свыше сорока новых шахтерских городов выросло на советской земле за годы сталинских пятилеток. Они появились там, где недавно была пустыня или шумела тайга.

Два года назад на самой подробной карте нельзя было найти поселка Сарань. Такого населенного пункта не существовало. Он заложен в 1946 году в Карагандинской области. Ныне первые шахты Сарани уже дают топливо.

Рождается новый шахтерский город в северо-западном Казахстане, в районе богатейшего каменноугольного месторождения Экибастуза.

Недавно шахтостроители пришли в далекий таежный район Красноярского края, где разведан Канский угольный бассейн.

Новые города угля, создаваемые в послевоенной пятилетке, растут со сказочной быстротой. Но не менее быстро растут и те, которые представляются нам уже «старыми». Знают ли юные жители крупнейшего областного центра — Караганды, что всего лишь в 1930 году первые строители этого города прибыли сюда на верблюдах? Иных средств сообщения с карагандинской степью тогда не было. Густая сеть железных дорог уходит отсюда в глубь степей — на восток и на запад. Карагандинский уголь идет по этим дорогам на Балхаш и на Урал. Караганда—город хорошо распланированных кварталов, больших многоэтажных домов, обширных площадей, парков и бульваров. Дети шахтеров учатся в Карагандинском институте и техникуме, в многочисленных средних школах и ремесленных училищах.

Новые города — центры индустрии и культуры—выросли во всех угольных бассейнах страны: на Урале — Губаха, Карпинск, Коркино, Копейск; в Кузбассе — Кемерово, Сталинск, Анжеро-Судженск, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Киселевск, Осинники. Уже перед Великой Отечественной войной в новых городах Кузбасса насчитывалось более миллиона жителей. На Дальнем Востоке построен шахтерский город — Артем; в республиках Средней Азии — Ангрен, Сулюкта, Кзыл-Кия, Кок-Янчак, Шураб.

В Подмосковье вырос мощный центр энергетики и угольной промышленности — Сталиногорск. В Донбассе прежняя захолустная Юзовка — ныне Сталино — стала городом крупной индустрии, передовой техники, культуры. Преобразились после войны все другие города Донбасса.

Во всех горняцких городах в третьем году пятилетки развернулось строительство новых жилищ и культурно-бытовых учреждений. В первом полугодии 1948 года Министерство угольной промышленности восточных районов СССР хозяйственным способом соорудило в шесть с половиной раз больше жилищ, чем за соответствующий период прошлого года. 40.000 шахтеров справили новоселье.

За второе полугодие нынешнего года в восточных районах страны будет введено в эксплоатацию еще 200.000 квадратных метров жилой площади. Ко дню своего праздника шахтеры Востока получат шесть новых клубов, четыре школы, шесть больниц и поликлиник, 12 детских садов, 16 яслей, 19 бань, 21 столовую. Прокладываются трамвайные линии в Караганде и Кизиле, идет подготовка к строительству трамвайных линий, которые свяжут Прокопьевск с новым поселком Ясная Поляна и Сталинск—с Байдаевским районом.

Во втором полугодии 1948 года в Донецком бассейне будет сдано в эксплоатацию в три с половиной раза больше жилой площади, чем за то же время в прошлом году.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Поэзия мужества и силы

Советская поэзия — дочь и помощница советской власти — давно и последовательно служит делу мира, делу демократии.

Миру — мир,
война—войне.
. . . .
Долой
политику
пороховых бочек.

— писал наш лучший поэт Владимир Маяковский. Эти строки-призывы мы, поэты великого свободолюбивого народа, повторяем и сегодня, этими принципами мы руководимся в своей работе.

***

Издательство «Советский писатель» готовит к печати сборник стихов «За мир, за демократию!». Стихи для этой будущей книги не заказывались и не организовывались. Редакционная коллегия просто отобрала их из газет и журналов двух последних лет. Без малого семьдесят поэтов, люди трех поколений, представители четырнадцати национальностей отстаивают дело мира, воспевают героических бойцов демократического фронта, клеймят поджигателей войны. Советские писатели выражают не только свое личное отношение к событиям — за каждым из них, как избиратели за депутатом, стоят тысячи читателей, полностью разделяющих мысли своих поэтов.

Мне довелось быть участником нескольких литературных вечеров, посвященных борьбе за мир, за демократию. Однажды я присутствовал на митинге протеста против расстрелов греческих патриотов, который происходил перед началом смены в нарядной 27-й шахты Мосбасса. На низкие дощатые подмостки выходили шахтеры в своих жестких спецовках и требовали прекращения массовых казней лучших сыновей Греции. Один из первых забойщиков бассейна тов. Дудко говорил о греческих патриотах, как о своих товарищах, как о верных друзьях, а о палачах, убивающих вольнолюбивых борцов, — как о личных его, забойщика Дудко, врагах. Я пристально следил за его образной шахтерской речью. И был счастлив тем, что лишний раз почувствовал единство всего советского народа — от его шахтеров до его поэтов.

«Вокруг задачи обеспечения справедливого демократического мира об'единились все силы антиимпериалистического и антифашистского лагеря. На этой почве выросло и окрепло дружественное сотрудничество СССР и демократических стран во всех вопросах внешней политики», — говорит тов. А. А. Жданов.

Для советского народа, для советской поэзии, посвященной международным темам, характерна большая вера в конечную победу демократических сил, в успех правого дела:

Народы знают: правда есть!
И видят, где она.

(М. Исаковский)

Пускай слетаются банкиры,
Как стая воронов на пир,—
Плечом к плечу народы мира
Оборонить сумеют мир.

(С. Маршак)

Советские поэты трезво и честно смотрят в глаза жизни, не затушевывают трудностей освободительной борьбы в зарубежных странах, но и не пугаются их.

Нам не вернуть детей казненных,
Героев, пулями пронзенных,
Любимых, в рабство увезенных,—
Но есть республика Вьетнам!

— пишет А. Адалис в отличном стихотворении «Неправда и неправда». В. Шефнер в стихах о Греции говорит:

И английские томми в тревоге,
Уходя, оглянулись назад,—
Был им страшен и после расстрела
Партизанского войска солдат.

Мы верим, что рано или поздно реакция везде и всюду будет разбита, что угнетенные всех колоний разорвут свои цепи и само это понятие — колония — исчезнет из обихода.

На что же рассчитывают заокеанские воротилы, когда они грозят войной нашей могущественной державе, нашим людям, закалившимся во фронтовых и трудовых боях? Это им, прожженным шантажистам, отвечает белорусский поэт А. Кулешов:

И бомбы их не боюсь я.
Пускай поджигатели знают,
Что небу моей Беларуси
Напрасно они угрожают.

Это по их адресу говорит аварец Р. Гамзатов:

То жабы квакают в своих гнилых озерах
И напугать хотят степных орлов.

***

Наша литература все решительнее избавляется от формалистической шелухи и манерности. Международная тема, может быть, больше чем какая иная требует от поэта художественной ясности, четкости, высокой принципиальности. Однако и здесь случаются досадные срывы. В 1948 году журнал «Звезда» напечатал стихотворение В. Азарова «Байрон в Греции», разукрашенное дешевой словесной мишурой.

Кто-то имя его произносит: Ноэль,
Пенный, праздничный эль, Рождество...

Почему же декабрьской полночи хмель
Так его потрясает всего?

Автор пытается проложить мостки между историей и современностью, между Байроном и собой:

Что ему снилось? Не знаю,
Может быть, то, что и мне,—
Паруса прелесть лепная,
Южное море в огне.

Черные гроздья оливы
В пепельно-серых листах..

Не будем сейчас обсуждать сны Байрона, тем более, что это дело темное, но до чего же спокойные литературные сновидения посещают нашего современника, — просто диву даешься!

Мне по сердцу стихотворение С. Кирсанова «Товарищи» — о греке и китайце, воюющих за будущее мира. Оно написано просто, умно, человечно. Но каким-то образом сквозь нужные строки пробилось одно чужеродное четверостишие:

Вот наяву
поднялся взрыв,
огромен и уродлив,
китайский домик
превратив
в горящий иероглиф.

Какие-то пять минут Кирсанов глядел на горящий дом своего китайского товарища глазами равнодушного туриста. На какие-то пять минут эстет победил гражданина, — и сразу же сорняк пробился между колосьями.

Было бы неправильным ограничивать список поэтов—борцов за мир и демократию теми, кто пишет на международные темы. Стихи, воспевающие героический труд советских людей, служат делу мира, делу свободы, если только они подняты на большую политическую высоту. Поэт Б. Лихарев правильно говорит в стихах о ленинградских метростроевцах: «Все дороги и здесь, глубоко под землей, к коммунизму, товарищ, ведут».

***

Я отложил рукопись сборника, чтобы послушать радио. Диктор назвал имя тов. Дудко в числе шахтеров, выполнивших свою послевоенную пятилетку.

И я сразу вспомнил, что слово на митинге протеста Дудко закончил обещанием работать с удвоенной энергией. Я знаю, что одним из источников, вдохновлявших Дудко на его трудовой подвиг, была братская любовь к патриотам Греции, Китая, Индонезии и ненависть к поработителям этих стран.

Мы не вмешиваемся во внутренние дела других государств. Но наше сочувствие, наши братские симпатии—на стороне воинов свободы.

Мне хочется, чтобы доблестные солдаты Маркоса и упорные бойцы Народно-освободительной армии Китая услышали о том, как говорят о них и как работают советские шахтеры, чтобы они прочли стихи советских поэтов, посвященные им.

В. АРТЕМЬЕВ

В борьбе за жизнь

Передовая польская литература создала после окончания войны интересные, яркие произведения. Одно из них — книга польского писателя М. Русинека «С баррикады в Долину голода», вышедшая недавно в переводе на русский язык.

Писатель рассказывает о трагедии варшавского восстания 1944 года, спровоцированного врагами народа—агентами лондонского эмигрантского правительства. Он рисует ужасы гитлеровских лагерей смерти, в которые были брошены участники восстания, и описывает то разочарование в англо-американских «освободителях», которое испытали участники Сопротивления.

Русинек — писатель-профессионал. Его книга — это нечто большее, чем простое свидетельство участника и очевидца событий. Мы ощущаем в авторе художника и по тому, как он отбирает факты, и по его восприятию мира.

В августе 1944 года, когда на правом берегу Вислы гремели советские орудия, а в городе раздался призыв к восстанию, М. Русинек, как и многие патриоты Варшавы, оказался в рядах повстанцев, полагавших, что план восстания согласован с советским командованием. Они не догадывались, что играют роль пешек в руках клики миколайчиков, которая, с благословения Черчилля, решила помешать польской демократической армии и советским войскам вступить в Варшаву, помешать установлению народной власти.

Очень скоро варшавяне осознали несвоевременность, неподготовленность, бессмысленность этого восстания. Жертвы оказались бесплодными. В гневе Русинек восклицает: «—Притащить бы сюда всех тех, кто готовил восстание, давал о нем тайные инструкции и распределял за письменным столом портфели послевоенных министерств. Пусть бы они омыли поруганные трупы, пусть бы вернули погибшим отнятую жизнь, пусть попытались бы оживить замолкшие сердца...»

Инициаторы восстания довершили предательство. Они капитулировали и отдали повстанцев в руки палачей Гиммлера, но сами остались в безопасности.

Во второй части книги Русинек описывает гитлеровские концентрационные лагери, подземные каменоломни, где голодных людей заставляли работать по семнадцать часов в сутки, крематории, действующие без перерыва, убийства для развлечения охраны, убийства детей с помощью ин'екций яда, садистские издевательства, имевшие целью уничтожить все человеческое в тех, кого не убивали сразу...

Но рисуя эти леденящие сердце картины, Русинек рассказывает и о другом. «Надо и дальше бороться за жизнь, мужественно бороться со своим вдвойне тяжелым жребием».

Духом борьбы за свободу был охвачен весь польский народ. Вот почему мы оказываемся подготовленными и к рассказу Русинека о том, что в лагерях уничтожения создавались и успешно действовали организации движения Сопротивления.

Как апофеоз справедливости и возмездия воспринимается описание бунта заключенных лагеря Эбензее — «Долины голода».

В последней части книги повествуется о том, как поляки, оказавшись на территории Австрии, оккупированной американцами и англичанами, вскоре превратились для них в «нежелательных иностранцев». Американцы всячески тормозили от'езд поляков на родину, пытались вновь ввести для них фактически арестантский режим, обращались с гражданами союзной страны, как с преступниками.

Но вот осуществилась мечта, которой жили заключенные. Они вернулись на родину. Последние страницы книги полны пафоса строительства новой Польши. Писатель посещает развалины Варшавы. В шуме автомашин, в беготне не знающих устали людей ему слышится «...бодрый, торжествующий голос:

— Каждый дом будет отстроен!

Города моего нет, но город мой будет. Здравствуй, новая Варшава!»

Интересную книгу М. Русинека советские люди прочтут, несомненно, с волнением и вниманием.

М. Русинек. «С баррикады в Долину голода». Перевод с польского под редакцией К. Марцишевской. Предисловие Е. Усиевич. Государственное издательство иностранной литературы. Москва, 1948 г.

М. РОММ

ДВА КИНОМИРА

Прошедшие в Марианских Лазнях и Злине (Чехословакия) международные кинофестивали подтвердили давно известную истину, что западная кинематография тяжело больна эротоманией, бесконечным и нарочитым копанием в самых темных сторонах человеческой души. Как мы и ожидали, при демонстрации первой же западной картины на экране замелькали шизофреники, истерики, пьяницы, убийцы. Этот поток грязи и душевных уродств был бы неинтересен, если бы в связи с ним не возник ряд новых явлений в буржуазном киноискусстве Запада, — явлений, которые должны привлечь наше внимание.

В буржуазной кинематографии наметились течения, одинаково вредные, но весьма различные по своему характеру. Кинематография Соединенных Штатов Америки резко отличается от европейской кинематографии. Американские картины поражают своей наступательной энергией. Виденные же мною английские и французские картины сделаны в тонах беспросветного отчаяния. В западноевропейских фильмах кропотливый, мелочный психологический анализ и пристальное разглядывание человеческих страстишек, как правило, приходят в конце к совершенной безнадежности. Художник как бы говорит: в этом отвратительном мире нет и не может быть ничего хорошего, и человек обречен тянуть свою унылую лямку, да, кстати, человек сам по себе так плох, что ничего лучшего он не заслуживает. Эта своеобразная послевоенная философия европейского кинематографа захватила в орбиту своего влияния и некоторых прогрессивных деятелей киноискусства.

Я видел на фестивале ряд картин, которые сделаны передовыми кинематографистами. Собравшиеся в Марианских Лазнях критики, сочувственно относящиеся к Советскому Союзу и к нашему киноискусству, считающие себя борцами за новое общество, часто обращали мое внимание на тот или иной фильм, говоря, что его сделал прогрессивный режиссер, «левый по своим политическим убеждениям». Между тем, глядя на такую картину, лишь с огромным трудом можно обнаружить некоторые следы прогрессивных взглядов художника.

Так, например, итальянская кинематография представила на фестиваль картину «Погибшая молодежь». Это обычный гангстерский фильм, главный герой которого— бандит и убийца — необычайно обаятельный красавец, этакий «великолепный» негодяй. Картина считается прогрессивной, так как в ней показана публичная лекция профессора, говорящего о том, что падение нравов современной итальянской молодежи — результат войны и фашизма. Это считается достаточным для того, чтобы оправдать три тысячи метров беспрерывной и наглой пропаганды бандитизма.

Французский фильм «Братья Букенкен» также считается весьма прогрессивным потому, что героиня его, религиозная в начале картины, в финале приходит к конфликту с религией. Но это опять-таки только эпизод. Вся же картина построена на обычном треугольнике: муж-пьяница, жена, любовник. Как полагается, действие происходит на дне общества, в каком-то порту, на старой барже, среди туманов, мрака, грязной воды.

В западном буржуазном киноискусстве вырабатывается своеобразная новая «эстетика», утверждающая наивысшим свойством кинематографа тщательный, скрупулезный анализ, наблюдение через своего рода кинематографическую лупу за ничтожными движениями человеческой души.

Одним из элементов этой новой «эстетики» является возвращение к немому кино.

Нас упрекали за то, что в советских картинах, в частности, в «Русском вопросе», слишком много говорят. Это, мол, непонятно для зрителей иных национальностей, а субтитры портят композицию кадра и рассеивают внимание. Такой точки зрения придерживается огромное большинство западных критиков, журналистов и кинодеятелей, с которыми мне пришлось встречаться. На одной из пресс-конференций я вынужден был привести следующий пример:

— Убийство или об'яснение в любви можно сделать совершенно бессловесно. Точно так же можно обойтись без слов, скажем, в сцене, когда голодный человек насыщается. Но как вы без слов покажете на экране любой идейный спор, хотя бы данную пресс-конференцию?

На это мне ответили:

— Значит, надо брать такие ситуации и темы, где слов требовалось бы поменьше. То-есть кинематограф должен вернуться к такого рода примитивной тематике, которая не требует больших размышлений, а значит — и вообще словесного материала.

Реакционная вредность такого рода эстетических взглядов нам кажется бесспорной. Но практика послевоенного кинематографа настолько приучила западноевропейскую публику, критику и работников кино к изощренным, мелким психологическим раскопкам (где действительно не нужно много слов), что стала постепенно формироваться новая методика кинозрелища, и борьба с этой новой методикой довольно сложна даже для самых прогрессивных западных кинорежиссеров и кинодраматургов.

Мне хочется привести в пример две картины, сделанные людьми, которых следует ценить, как настоящих, больших мастеров киноискусства. Это «Лучшие годы нашей жизни» Уайлера и мексиканская картина «Рио эскандидо» (режиссер Фернандес, оператор Фигуэреа).

Картина «Рио эскандидо» по сюжету напоминает нашу «Сельскую учительницу», которая, к сожалению, не шла на фестивале, так как уже раньше была выпущена на экраны Чехословакии. Западные критики говорили мне:

— Не только у вас можно поставить «Сельскую учительницу». Вот в Мексике поставили такой же фильм. Почему же вы свою картину считаете прогрессивной, а мексиканскую — нет?

Действительно, на первый взгляд картина «Рио эскандидо», — кстати сказать, великолепно снятая и срежиссированная, разыгранная отличными актерами, — необыкновенно похожа на работу М. Донского. Начинается она с того, что президент Мексиканской республики посылает в глухую деревню учительницу, предупреждая, что ей предстоят большие трудности. Учительница приезжает в деревню, которая целиком находится во власти местного плантатора-хищника, и начинает самоотверженную борьбу не только за воспитание ребят, но и вообще за оздоровление деревенской жизни. Разница между «Сельской учительницей» и картиной «Рио эскандидо» заключается в том, что «Сельская учительница» — картина жизнеутверждающая. Ее основная идея — показать, как благородный труд человека дает потом огромные плоды и вознаграждает его. «Рио эскандидо» — это страшная драма с нагромождением ужасов (убийства, самоубийства, избиения, натуральная оспа и т. д.), и кончается она смертью учительницы. Мысль фильма прямо противоположна идее советской кинокартины. Если человек идет на подвиг, то неизбежно погибает. Впрочем, хотя мрачная жертвенная философия «Рио эскандидо» для нас чужда и неприемлема, нужно сказать, что из всего виденного мною на фестивале именно эта картина показалась мне наиболее смелой и честной. Фильм не принадлежит к течению современного кинематографического модерна, он проникнут огромной энергией и если не намечает путей политической борьбы с социальным злом, то хотя бы констатирует, что с этим злом необходимо бороться.

Разительным примером того, как обращается Голливуд с прогрессивной режиссурой, является картина «Лучшие годы нашей жизни» режиссера Уайлера. Три американца возвращаются с войны в родной город, и все трое не могут найти себе места в жизни. Один из них калека, другой в результате войны потерял профессию и работу, третий — работник частного банка — настолько изменился на войне, что прежняя деятельность для него противна. Тема намечена очень остро, и Уайлер великолепно развивает первые части картины. Однако во второй половине фильма режиссер бьет отбой, фальшивый и сентиментальный финал в корне противоречит начальным реалистическим эпизодам. Калека получает пенсию и благополучно женится на девушке, которая его обожает. Человек, потерявший профессию, приобретает новую, еще лучшую. Что касается третьего героя, то он получает место в банке на выдаче ссуд ветеранам войны. Таким образом, прогрессивный режиссер ставит проблемы только для того, чтобы тут же снять их начисто.

Чрезвычайно интересно проследить, как современный западный киномодерн действует на кинематографию Чехословакии. В стране строится социализм. Большинство чешских кинодраматургов и режиссеров старается найти новые пути киноискусства, причем советский кинематограф служит для них в этой работе образцом и примером. Но в этих поисках многие сталкиваются с далеко не изжитыми остатками эстетических воззрений, сложившихся за многие годы под влиянием западного кино.

Возьмем фильм «Сирена». Это — исторический фильм о первой крупной забастовке чешских металлургов во времена австрийской империи. В картине очень много хорошего. С большой реалистичностью изображен рабочий быт. Сильно сделаны некоторые эпизоды, сопутствующие стачке. Но самое возникновение забастовки не стало центральным событием; в решающий момент фильм вдруг рассыпается на ряд мелких, личных драм с усиленным обыгрыванием таких явлений, как измена, пьянство, ревность, безумие и т. п. Основная идея картины — стачка, несмотря на неудачу, сплотила рабочих и доказала возможность сопротивления,—выражена настолько неубедительно, что к концу появляется ощущение трагической безнадежности, бесперспективности борьбы с капитализмом.

Искажение идейной стороны картины произошло потому, что автор и режиссер эстетически находились в плену современного западного кинематографа. Они не устояли перед соблазном обыграть все встретившиеся им по дороге мелодраматические эффекты.

Талантливый режиссер Чап поставил картину «Белая тьма», получившую одну из премий на фестивале. Тема фильма — дружба русского, словацкого и чешского народов. Дружба эта показана на материале словацкого восстания против немецко-фашистских захватчиков. Но, к сожалению, автор сценария и режиссер при разрешении высокой темы сузили возможности ее воплощения. В картине изображен тыловой партизанский госпиталь, где от ран и голода умирают полтора десятка словацких партизан. Умирают они постепенно, на протяжении всего действия. Сюжет построен на том, что к раненым никак не удается доставить продовольствие. Ограничение материала сопровождается усиленным интересом к физическим страданиям людей, кропотливым анализом их переживаний. Картина, несмотря на все ее достоинства, статична и пассивна.

Интересно, что на первом международном рабочем кинофестивале в городе Злин рабочее жюри резко критиковало фильм «Белая тьма» и не удостоило ее премии, а на кинофестивале в Марианских Лазнях жюри, состоявшее из критиков и специалистов, все же присудило этой картине национальную премию. На режиссера Чапа произвела огромное впечатление критика его картины в Злине. Я не сомневаюсь, что этот талантливый мастер чешского кино найдет правильную дорогу.

Два противоположных течения резко обозначились в современной западной кинематографии. Кинопродукция Голливуда и его сателлитов охвачена злокачественной гангреной разложения. Американские империалисты, стараясь оболванить зрителя, используют фильмы о гангстерах и кровожадных маньяках как средство идеологической экспансии. И лишь отдельные прогрессивные художники пытаются протестовать против лжи и лицемерия подобного эрзац-искусства.

Иную картину наблюдаем мы в странах новой демократии. Самым замечательным явлением на фестивале в Марианских Лазнях было ощущение того, что возникает фронт нового киноискусства. Раньше мы одни противостояли буржуазному киноискусству Запада. Сейчас у нас появляется могучий отряд союзников в этой борьбе. Польская картина «Осенним», венгерская картина «Где-то в Европе» сделаны в традициях советской кинематографии. Этими же путями идет и новое искусство Чехословакии.

Плодотворное воздействие советского кино помогает лучшим кинематографистам стран народной демократии изживать родимые пятна декаданса, выходить на широкую дорогу идейного реалистического искусства.

Я. ФРИД

Герои Сопротивления

Жорж Коньо — видный деятель французской коммунистической партии, редактор «Юманите», ученый-марксист, блестящий публицист. Недавно мы познакомились и с Жоржем Коньо — художником, автором сборника рассказов, в котором центральное место занимает большая повесть «Побег».

Ж. Коньо—талантливый писатель, в его книге отчетливо выражены некоторые особенности нового реалистического стиля, формирующегося в передовой западной литературе; но прежде всего нам хочется отметить политическое значение и большую познавательную ценность повести «Побег».

В сегодняшней Франции с конвейера продажной литературы реакции сходят книги и статьи, полные злобы и подлой провокационной клеветы на коммунистов, на героев Сопротивления. Восхваляя коллаборационистов-предателей, стремясь сделать их «героями дня», реакционные писаки, как отмечает с возмущением прогрессивный французский журнал «Эроп», чернят и поносят лучших людей Франции, самоотверженно боровшихся с оккупантами! Ложь, фальсификация — оружие этих гангстеров пера. Повесть Ж. Коньо свидетельствует: оружие передового писателя — великие идеи коммунизма, правда народной борьбы, правда истории.

Время действия этой повести — 1942 год. Коньо рассказал о жизни заключенных в немецком концлагере, об организации побега из него двадцати коммунистов, о самом побеге. И каждый, кто познакомится с коммунистами — героями Коньо, узнает в психологии, в поведении этих замечательных людей, боровшихся с фашизмом в годы немецкой оккупации, черты, типичные и для тех политических деятелей, защищающих интересы народных масс, тех благородных борцов за мир и демократию, подлинных героев нашего времени, к которым теперь, в 1948 году, буржуазная реакция подсылает наемных убийц, отдает под суд по ложным обвинениям.

Автор стремится как можно точнее рассказать о том, что произошло в действительности. Повесть автобиографична. Ж. Коньо сам был заключен в концлагерь близ Компьена (в повести лагерь условно перенесен в другое место). Он лично возглавил подпольную коммунистическую группу этого лагеря и организовал побег. Луи, который в повести вместе с другими товарищами осуществил подкоп длиной более чем в сорок метров, выводивший за ограду концлагеря, в овсяное поле, а после побега был вновь схвачен немцами и расстрелян, — это Луи Торез, брат Мориса Тореза. Всё вплоть до дат достоверно в этой повести. Ж. Коньо обстоятельно рисует внешность героев: он хочет, чтобы их хорошо разглядели и современники и потомки, чтобы эти герои никогда не были забыты. По этой же причине он выделяет курсивом все, что говорят его герои. Он реалистически изображает концентрационный лагерь, этот «гигантский вестибюль ада», отвратительных и страшных тюремщиков, которые мучают, избивают, убивают заключенных с каким-то автоматическим садизмом, подобно чудовищным роботам.

Но что является главным в повести Ж. Коньо? Писатель изображает концлагерь, как поле боя — борьбы за **человека**, упорной, необычайно трудной, складывающейся из мелочей, подобной борьбе за крепость. Это борьба не стихийная, а сознательно начатая и организованная заключенными-коммунистами.

Коммунисты знают, что они могут сопротивляться фашистской машине порабощения и **отстоять человека** только в том случае, если изгонят из лагеря дух разобщенности, психологию одиночества. Каждый заключенный должен почувствовать, что он и теперь частица народа, что он и теперь борется. В труднейших условиях коммунисты проводят индивидуальные беседы с политическими заключенными. Юноши мучительно переносят голод. Им выдают добавочные порции похлебки. Им не дают впасть в апатию. Коммунисты и в концлагере проводят политическую линию партии: не уступать реакции, не позволить ей согнуть, ослабить, деморализовать «простых» людей.

Коммунисты знают: побег из лагеря так труден, что если они осуществят его, — фантастика станет реальностью. Что ж, нужно, чтобы она стала реальностью, — коммунисты не отступят перед трудностями! Когда они ночью обдумывают, как избежать почти неизбежного провала (немцы вот-вот откроют подкоп, а работа идет медленно), и решают раздобыть в бараке военнопленных новые карманные фонари (старых хватит только на два-три часа работы), — их ночное совещание неожиданно прерывается: в поле пылают скирды хлеба, не вывезенного немцами. Это — салют патриотов в ночь под Первое мая, это — братское напоминание заключенным: не теряйте надежды, боритесь,—там, за оградой концлагеря, борьба продолжается. И в ответ этому салюту кто-то насвистывает «Интернационал»; заключенные, ликуя, считают гигантские огненные цветы боевого салюта. Сколько их! Они горят во всех концах страны! И когда Эрто, организатор подкопа, ложится спать, ему хочется смеяться, смеяться.

Защищая от фашистов человека, человеческое достоинство, коммунисты побеждают: да, «человек — это звучит гордо!» Из французского, петэновского лагеря отдают на расправу палачам высшего ранга, гитлеровцам, самых непокорных заключенных. Когда их привозят в немецкий концлагерь, они изумлены: их встречает не отчаяние, не всеобщая угнетенность, не апатия смертников, а боевой дух людей, уверенных в своих силах и даже способных смеяться и шутить.

Герои почти всех французских романов, посвященных теме Сопротивления, если и борются с немцами, чувствуют себя при этом, как затравленная дичь. Герои Ж. Коньо, осуществляя подкоп и побег, сознают: они солдаты. И побег они приурочивают к ночи с 21 на 22 июня 1942 года: пусть гитлеровцы, отмечая годовщину своего предательского нападения на Советский Союз, знают, что борьба не прекращается ни на миг, что именно в эту ночь двадцать крупных партийных и профсоюзных работников бежали, чтобы занять свои места в рядах борцов Сопротивления.

Луи, схваченный после побега, размышляет в ночь перед расстрелом: «Он простой солдат, точно выполнил свое задание»; он умрет так же, как умерли два члена его семьи, солдаты интернациональной бригады, сражавшиеся в Испании. Вспоминая лица родных, Луи с удовлетворением думает: недаром он почти три месяца работал, как каторжник, делая подкоп. Восемнадцать испытанных борцов-коммунистов бежали, спаслись, и он точно знает, на каких ответственных местах в рядах Сопротивления будут стоять они завтра. Он уверен: о нем сейчас думают все заключенные в лагере антифашисты. Какую грозную демонстрацию протеста провели они недавно, когда были взяты заложники! И Луи пишет письмо товарищам—одно из тех подлинно человеческих, гордых и простых писем, из каких составлен изданный во Франции сборник «Письма расстрелянных»: «Дорогие товарищи, сообщаю вам, что на допросе мы убедились: задержаны только мы двое, все остальные уже заняли свои места в бою и отомстят за нас...»

Для традиций критического реализма западной буржуазной литературы характерно внимательное изучение слабостей и недостатков людей, типично-буржуазных черт в их психологии и в поведении (понимаемых как черты «общечеловеческие»). Западный критический реализм XIX века трезво исследовал результаты уродующего воздействия капиталистических общественных отношений на личность, психологию, поведение людей. Если писатель, разрабатывающий в наши дни антифашистскую тему, ограничится тем, что будет слепо следовать этим традициям критического реализма, он может притти к искажению действительности, изображая и политических заключенных, и уголовников, и провокаторов, шпионов (которых, к примеру, было много в концлагере, описанном Ж. Коньо) прежде всего так, что все они равно будут выглядеть как жертвы фашизма. Таких примеров немало в современной литературе Европы и Америки.

Конечно, Ж. Коньо не мог пойти по этому пути. Создавая свою повесть, он участвовал в выработке эстетики всестороннего реалистического изображения действительности, в выработке эстетики искусства, кругозор которого широк. Это искусство, не ограничиваясь критическим изображением буржуазного общества, стремится также правдиво отразить самое главное: героику, величие, красоту деяний передовых людей, которые и в концлагере остаются несгибаемыми, мыслят, поступают не как жертвы, а как выросшие в борьбе за будущее родины и человечества «обыкновенные люди» с сознанием деятелей, участвующих в творчестве истории.

«Побег» Ж. Коньо еще раз подтверждает: только художник, обладающий коммунистическим мировоззрением, окрыленный передовыми идеями, может создавать подлинно реалистическую литературу нашего времени.

На повести Жоржа Коньо, на ее строго реалистической манере изображения лежит отпечаток **стиля жизни** изображенных людей — героического, революционного, патриотического. Отсюда своеобразие этой реалистической прозы. Высокая требовательность к человеку, продиктованная верой в силы народа, высокими идеалами передовых людей, — вот лейтмотив формирующейся эстетики современной передовой западной литературы. Наряду с критическим изображением буржуазного общества в этой прозе находит яркое выражение тема жизнеутверждения, героика борьбы передовых людей, отстаивающих от агрессивной реакции будущее родного народа и человечества.

ПРЕЗИДЕНТ И ЕГО БОСС

Николай ПОГОДИН

5. ПРЕДВЫБОРНЫЕ УВЕРТЮРЫ

Приближались знаменитые миссурийские выборы 1934 года, когда «судья Трумэн» к великому недоумению его земляков в Вашингтоне сделался сенатором. Выборам предшествовала серия преступлений и убийств.

Вот одно самое обыкновенное преступление: гангстер убил на улице другого гангстера. Убийца был пойман на месте преступления, изобличен, судим. Но он сказал полиции: «Я — друг Джонни Лазиа», — и этот пароль в конечном счете спас его от тюрьмы. Потом открылось лжесвидетельство полицейского сыщика в пользу бандита, сыщик сам признал, что он выполнял приказ Джонни Лазиа. Короче: убийца оказался одним из «молодцов» политической машины Пендергаста. Он — друг Лазиа. Лазиа — друг Пендергаста. Пендергаст — друг своего друга и многочисленных друзей в Вашингтоне...

Это Джонни Лазиа однажды на выборах «украл» и спрятал в надежное место «ад'ютантов» и «капитанов» своего конкурента по партии и сам сделался демократическим боссом первого района Канзаса, откуда вышел Том Пендергаст. Это он как-то на улице вежливо высмеял одного общественного деятеля, который вздумал проверять городские приходо-расходные книги, и общественному деятелю после этого пришлось обзавестись бронированным автомобилем. Это он составил протекцию своему другу у Муссолини, и тот наградил Тома Пендергаста орденом «Короны Италии». Надо было сказать: «Я знаком с Джонни Лазиа», — и эти слова производили магическое действие как в мире преступников, так и в мире деловых людей, не желавших обзаводиться бронированными автомобилями.

Типы, подобные Джонни Лазиа, — одно из самых уродливых, самых циничных явлений современной американской действительности. Казалось, чего более. Дело об убийстве и лжесвидетельстве должностного лица вскрывает омерзительный гнойник. Город и без того знает, что Джонни Лазиа — не только король бандитов Канзаса и Чикаго, что к нему приезжают за советом крупнейшие гангстеры Америки, а также и то, что он изобличен как лицо, покровительствующее убийце. Оказывается, нет! Он будет жить и процветать до тех пор, пока сам Том Пендергаст не найдет целесообразным уничтожить своего «первого ад'ютанта».

Убрать Джонни Лазиа босс миссурийской политической машины счел необходимым именно перед выборами в сенат. «Первый ад'ютант» был убит в центре Канзаса пулеметным огнем из засады. Пендергаст решил избавиться от него потому, что к персоне Джонни Лазиа уже подбиралось следствие по делу об убийстве нескольких полицейских агентов. А самый факт привлечения его к уголовной ответственности мог серьезно повредить «машине» в борьбе за ее кандидата в сенат Соединенных Штатов. Этим кандидатом был «судья Трумэн».

Для того, чтобы лучше уяснить, что есть босс и его машина на высшей стадии развития, вновь предоставим слово автору:

«Менее чем через два месяца после моего вступления в должность окружного прокурора, я стал свидетелем муниципальных выборов 1934 года, получивших название «кровавых выборов». Это был весьма поучительный опыт. Я убедился, что фашистские методы практикуются не только в Германии и Италии».

В городе весь день не прекращалась стрельба. «Молодцы» получили указание Пендергаста «выиграть выборы во что бы то ни стало». Непослушных избирателей они просто выбрасывали из помещений избирательных участков. По улицам носились черные автомобили с сиренами, без номеров, наполненные гангстерами. Полиция бездействовала и тогда, когда был убит помощник шерифа, «придерживавшийся устаревших взглядов на законы». «Хижина дяди Тома», как в штате Миссури называли по имени Тома Пендергаста резиденцию губернатора, молчала. В итоге: больничные палаты, переполненные людьми, получившими раны и увечья. «Четыре убийства, двести вооруженных нападений и сто тысяч уголовных преступлений».

«Машина» одержала блестящую победу на выборах в муниципалитет и, «проучив» избирателей, через несколько месяцев ринулась в битву за своего кандидата в сенат. «Судья Трумэн, — пишет автор, — получил в Канзасе и в округе Джексон 138.423 голоса, между тем как за его противника было подано 10.437 голосов (согласно официальным данным о выборах)». «Учтите, — продолжает автор, — что в то время Пендергаст имел в своем распоряжении от 40 до 60 тысяч «голосующих привидений».

И опять приходится обратиться к уголовному миру, чтобы об'яснить этот специально-избирательный жаргон. «Привидениями» здесь называют избирателей, имена которых «списаны с могильных памятников» или прямо взяты из потустороннего мира. За ними следуют «сони». Это те, кто давным давно отбыл из данной местности, но «по рассеянности» продолжает еще голосовать по месту бывшего жительства. Затем идет не менее важная категория «наездников». Это уже живые «молодцы», которые раз'езжают на автомобилях по избирательным участкам и голосуют раз по двадцать, где хотят...

Хороша терминология! Но она отнюдь не смущает слух кандидатов, пришедших к власти, благодаря голосам «привидений», «сонь» и «наездников».

«В конце 1945 года, — повествует книга «Миссурийский вальс», — президент Трумэн написал и предал широкой гласности письмо Джиму Пендергасту (племяннику Тома Пендергаста) — боссу той же самой политической машины. Письмо, написанное на бланке Белого Дома, гласит:

«Дорогой Джим! Прилагаю чек на 6 долларов для уплаты моих членских взносов в демократический клуб графства Джексон. Надеюсь, дела у вас попрежнему идут хорошо. Искренно ваш Гарри».

А дела там идут настолько хорошо, что «молодцы» теперь побили рекорд тех времен и совершили такое дело, перед каким спасовал бы сам Том Пендергаст.

6. ТРИНАДЦАТЬ ПРОЦЕССОВ

Пендергаст, пользуясь своей «дьявольской машиной», не только наживал непомерные прибыли, но душил и разорял своих конкурентов. Так оно и продолжалось бы, если бы Рузвельт не увидел, что «машина» Пендергаста чадит на всю Америку.

Лично боссу вначале ничто не угрожало. Сегодня генеральный прокурор США Кларк, с которым мы еще встретимся в этой истории, арестовывает и пред'являет мифические обвинения руководителям коммунистической партии. Но прямой организатор кровавых выборов в Канзасе с доказуемой ответственностью за убийства по всем статьям американских законов был неприкосновенен. Он, видите ли, частное лицо. Он даже не является членом участковой избирательной комиссии. Он призрак, дым, никто. И никаких последствий ранения, увечья и убийства не имели. Все это прошло без риска для атамана и «молодцов» его бесчисленной шайки.

«Машину» брали с другого конца. Надо было доказать мошенничество на выборах и не случайное, отдельное, а массовое. Засим, эти доказанные мошенничества следовало передать на рассмотрение прокуратуры с тем, чтобы она нашла юридический момент для пред'явления обвинения. Тогда судья имел право назначить суд присяжных.

Надо было немедленно, в один день собрать и свезти в надежное место все избирательные бюллетени, протоколы, книги со списками избирателей, словом, все избирательные материалы. В течение одного дня в подвалы здания окружного суда было свезено до 20 тонн материалов.

Затем последовали тринадцать судебных процессов. К суду были привлечены судьи и чиновники, участковые капитаны и члены комитетов обеих партий, районные заправилы, святые отцы и полицейские...

Федеральное бюро расследований основало в Канзасе лабораторию. Под мощными микроскопами исследовались массовые подчистки. Первый вскрытый мешок дал 95 подделок. Сотни подделок превращались в тысячи — голоса «духов» и «привидений» по своему количеству превышали все мыслимые американские понятия о мошенничестве на выборах. В книгах избирателей числились бензиновые колонки и пустыри, как дома с живущими там избирателями. Все тайны, вся грязь, вся продажность традиционной выборной механики вылезла наружу. В одних случаях оказывалось, что избирательные комиссии даже не прикасались к урнам и выводили заранее готовые итоги голосования, а другие — до упаду работали по «обработке» бюллетеней... Было сосчитано и доказано 60 тысяч «голосующих привидений».

«Нашлись, однако, люди, — пишет автор, — которые, вопреки фактам, не видели ничего зловещего в «машине» Пендергаста.

В момент, когда я находился в самой гуще судебных процессов по делам о мошенничествах на выборах, тогдашний сенатор Гарри Трумэн, пытаясь воспрепятствовать продлению моих полномочий в качестве окружного прокурора, сказал:

— Я заявляю сенату, господин председатель, что в графстве Джексон у демократа имеются такие же шансы на справедливое расследование его дела окружным судом Западного Миссури, как у еврея, когда он предстает перед гитлеровским судом...

Репортерам, обратившимся ко мне с просьбой сказать, как я реагирую на заявление сенатора, я ответил: «Ничего не скажу». Однако судья Ривс сказал больше. Он заявил, что выпад, допущенный Трумэном в сенате, представляет собой речь человека, «выдвинутого голосами «привидений», избранного голосами «привидений» и произнесшего речь, которая, очевидно, была составлена писателями из мира «привидений»...

Как видите, судья за словом в карман не полез. Прокурор ничего не сказал.

«В 1944 году (в связи с выдвижением кандидатуры Трумэна на пост вице-президента. — **Ник. П.**) в ответ на запрос, фигурировало ли имя Гарри Трумэна в следствии, производившемся прокуратурой, я заявил: «Ничто никогда не давало оснований подозревать сенатора Трумэна».

Через некоторое время мое заявление было напечатано в сборнике протоколов конгресса. У меня хранится записка, написанная Гарри Трумэном от руки. Она гласит: «Морис, приношу вам за это миллион благодарностей. Гарри».

Теперь, когда Морис Миллигэн воочию убедился в том, что «труп Пендергаста ожил» и «боссизм расцвел уже при поддержке президента Соединенных Штатов и его помощников», он пишет: «Все это заставляет меня сомневаться, прав ли я был, выдавая такое карантинное свидетельство».

На языке логики это звучит так: «Прав ли я был, скрывая истину». Совершенно очевидно, что если бы будущий вице-президент не нуждался в карантинном свидетельстве, то «миллион благодарностей» приносить было бы не за что.

7. ПОСЛЕДНЯЯ АФЕРА

Пендергаст поскользнулся на этой афере, как на апельсинной корке, и грохнулся. Не будь этого «досадного случая», то стоять бы в Канзасе второй бронзовой статуе «самого интересного гражданина в Америке». За это можно поручиться. Апельсинной коркой для Тома Пендергаста оказалась грандиозная взятка в 750 тысяч долларов.

Между прочими своими делами Пендергаст в одну из поездок в Чикаго взялся уладить давнишнюю судебную тяжбу между самыми крупными страховыми компаниями Америки и штатом Миссури. Страховики предложили взятку в 200 тысяч долларов. Пендергаст в своей манере грубо и прямо ответил:

— За 200 тысяч я пальцем о палец не ударю.

Стали торговаться. Дошли до полумиллиона. Босс согласился. Тут же позвонил в Канзас и сделал ставку на бегах. Но потом с услугами видимо не очень торопился. Страховые компании провели новое самообложение и прибавили еще 250 тысяч долларов. Нетрудно догадаться, что дело было нечистым и что суд штата Миссури при содействии Пендергаста одобрил одно из крупнейших жульничеств.

Опять и опять следствие и судебный процесс. Теперь судебному разбирательству подвергалась сама чисто капиталистическая деятельность Тома Пендергаста.

Взятка послужила только поводом. И не за то судили Пендергаста, что он получил взятку, а за то, что сумму взятки не показал в числе своих доходов и укрыл от налога. Только за это.

Чиновники и сыщики докопались до укрытия взятки от обложения налогом. Общее расследование открыло, что в своих «частных коммерческих делах» Пендергаст был таким же от'явленным мошенником, каким он был всюду и везде. Пендергаст сразу признал себя виновным, с тем чтобы избавиться от излишних разоблачений.

«Свидетельские показания, — пишет автор, — разоблачающие всю жуткую историю машины Пендергаста, доставили бы неприятности слишком большому числу видных лиц в городе. Босс и его адвокаты это великолепно понимали. Сенатор Трумэн, находившийся несколько дней в Канзасе, узнав об обвинительном заключении, пред'явленном его другу, возвратился в Вашингтон. Он был очень обеспокоен всем этим делом».

Дело закончилось приговором к тюремному заключению на 15 месяцев с условным приговором на три года, запрещающим Пендергасту заниматься общественно-политической деятельностью. Денежный штраф составлял 10 тысяч долларов. Около полумиллиона долларов Пендергаст должен был уплатить, как сумму, скрытую от подоходного налога.

«Покидая сегодня на автомобиле здание федерального суда после того, как был оглашен приговор к тюремному заключению за уклонение от подоходного налога, Том Пендергаст расстался со своим племянником у демократического клуба графства Джексон с условием, что племянник возьмет на себя руководство политической машиной».

Он и взял.

8. «ПРИВИДЕНИЯ» ВОЗВРАТИЛИСЬ ДОМОЙ

Боссизм — старинная традиция. Знаменитая дружба Том Пендергаст — Гарри Трумэн об'ясняет нравственные стороны политических союзов. Апофеозом этой дружбы был приезд вице-президента на похороны Тома Пендергаста.

Во время выборов в сенат в 1946 году в Канзас приехал президент Гарри Трумэн. Теперь он сам дал указание возрожденной и вполне легализованной политической машине своего «друга и советника» Джима Пендергаста («привидения» возвратились домой!) выступить на выборах против одного не угодного президенту кандидата, за другого — угодного.

На выборах 1946 года все повторилось. Только не было убитых и раненых. Зато «молодцы» образца 1946 года превзошли и оставили далеко позади «молодцов» образца 1936 года.

Люди под присягой клялись, что голосовали за «неугодного», но их голоса кто-то украл и передал «угодному». Впрочем, читатели уже знают, как это делается. Возник скандал, до последней степени неприличный, ибо теперь машина Пендергаста пользовалась высоким и общеизвестным легальным покровительством. Повторилось огромное исследование избирательных материалов, повторилось массовое разоблачение мошенничеств на выборах, повторились вердикты присяжных заседателей о пред'явлении обвинения семидесяти с лишним лицам. Все было то же, но времена не те.

Генеральный прокурор Кларк делал все от него зависящее, чтобы избирательные материалы, изобличающие это «грязное дело», спокойно лежали в стальных ящиках за опечатанными бронированными дверями подвалов суда в Канзасе. Обсуждение вопроса о том, следует или нет начинать открытое судебное разбирательство, тянулось медленно и долго, перешло в комиссии и подкомиссии сената. И нет никакого смысла излагать все смехотворные перипетии этого обсуждения, поскольку «молодцы» решили прекратить дело навсегда: они украли все дочиста избирательные бюллетени и прочие материалы из подвалов здания суда.

«В ночь, когда были украдены ящики с бюллетенями, президент находился в одной из гостиниц города на расстоянии нескольких кварталов от места преступления... Как реагировал президент Соединенных Штатов на эту историю? Его секретарь по делам печати ответил собравшимся репортерам:

— Комментариев нет...»

Так заканчивается эта эпопея, от начала до конца пронизанная преступностью. Разоблачая звериные повадки внутри определенного класса, автор книги «Миссурийский вальс» Морис Миллигэн забыл сказать, однако, что это за класс. Назвав множество вещей своими именами, он нигде даже вскользь не упомянул слово «буржуазия». Устои капиталистического общества для него остаются незыблемыми.

...Машина Тома Пендергаста жива и поныне. Да и может ли без нее существовать политическая система омерзительного буржуазного строя?

Окончание. Начало см. в № 67.

Из иностранной почты

«Бегство от налога»

Венецуэльская газета «Эль Насиональ» разоблачила недавно на своих страницах жульнические махинации нефтяного об'единения «Ройял датч шелл», обошедшиеся Венецуэле во много миллионов долларов.

«Ройял датч шелл» — одна из крупнейших нефтяных монополий мира. По недоразумению, а возможно не без умысла, она все еще именуется англо-голландской компанией, хотя в действительности еще со времен первой мировой войны контролируется английским капиталом и целиком служит английским интересам.

Вот уже более сорока лет «Ройял датч шелл» рыщет по всему свету в погоне за черным золотом, появляясь, как призрак, всюду, где только пахнет нефтью. Она раньше других унюхала нефть в Латинской Америке, первой пробуравила землю Венецуэлы и прибрала к рукам лучшие месторождения нефти в этой стране.

Однако, начиная с 20-х годов, на Венецуэлу устремил алчные взоры другой нефтяной гигант — американский концерн «Стандарт ойл». Между нефтяными гангстерами завязалась смертельная борьба. «Стандарт ойл» все больше и больше теснил концерн «Ройял датч шелл», или попросту «Шелл», как его часто называют. В результате в последние годы на долю «Шелл» приходилось менее 30 процентов всей добытой здесь нефти.

Мало того, что англо-американские нефтяные компании полностью монополизировали добычу нефти в Венецуэле и получают от эксплоатации нефтяных богатств страны сказочные прибыли, они вдобавок всячески стремятся обворовать венецуэльский народ.

По так называемому нефтяному закону, англо-американские нефтяные компании обязаны передавать Венецуэле около семнадцати процентов добываемой здесь нефти. Но не тут-то было. Нефтяные гангстеры хозяйничают так ловко, что Венецуэла не имеет ни мало-мальски приличных цистерн для хранения нефти, ни транспортных средств, а тем более предприятий по переработке нефти — все это находится в цепких руках англичан и американцев. Вместо нефти Венецуэла вынуждена довольствоваться, главным образом, денежной оплатой. Само собой разумеется, что «нефтяные сливки» снимают англо-американские монополии, а Венецуэла получает по самым оптимальным подсчетам не более 30 проц. доходов. Так, в 1946 году только одна американская компания «Креол петролеум корпорейшен», контролируемая «Стандарт ойл», положила в карман почти 85 миллионов долларов чистоганом, в то время как венецуэльскому правительству от нефти, добытой всеми компаниями, перепало около 80 миллионов.

В последние годы концерн «Шелл» решил поправить свои пошатнувшиеся дела с помощью грубых жульнических махинаций. С тех пор как нефтяной закон 1943 года установил налог на прибыль, компании, контролируемые «Шелл», стали представлять сильно преуменьшенные данные о своих прибылях и, таким образом, платили налоги значительно меньшие, чем полагалось.

Делалось это просто. «Шелл» продавала нефть... той же «Шелл». Вот для примера одна из махинаций такого рода. Даже ту малую толику нефти, которую Венецуэла должна получать натурой, она фактически вынуждена продавать тем же англо-американским компаниям. Такой нефти «Венецуэлян ойл концессионес», контролируемая об'единением «Шелл», в 1943 году купила около 840 тысяч кубических метров примерно по 16—17 боливаров за кубический метр, а продала ее «Азиатик петролеум компани лимитед», также контролируемой концерном «Шелл», по 11—12 боливаров. Продавец громогласно заявил, что понес «убытки». В результате подобных махинаций, которые экономисты называют «бегством от налога», доходы компании оказывались «низкими», ну а с таковых и налог меньше.

Такими жульническими приемами одна только компания «Венецуэлян ойл концессионес» за три года похитила у Венецуэлы шесть миллионов долларов. А ведь этим занимаются все нефтяные монополии.

Так выглядят «честные дела» тех, кто на всех перекрестках кричит о честности и справедливости.

Г. ТИХИЙ

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

КОНЕЦ ОДНОЙ ЗНАМЕНИТОСТИ

Агентство Юнайтед пресс сообщает, что 8 августа в Чикаго в возрасте 66 лет умерла от голода известная в прошлом оперная певица Мэй де Суза. Де Суза восхищала слушателей Соединенных Штатов и Европы в течение первых десятилетий XX века. В последние годы де Суза работала уборщицей в одной из школ; по сообщению Юнайтед пресс, причиной смерти де Суза явилось «ослабление организма на почве недостаточного питания».

СПАСИТЕЛЬНАЯ ЖВАЧКА

По сообщению «Ниппон таймс», управление железных дорог в Токио, обеспокоенное огромным ростом количества аварий, изобрело весьма своеобразное средство для предотвращения катастроф: всем железнодорожным машинистам вменено в обязанность жевать во время работы американскую резинку для того, чтобы они не засыпали на посту.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

◆ В конгрессе США внесен законопроект о присвоении в обязательном порядке каждому из новорожденных детей особого серийного номера.

◆ Из здания университета в Токио были одновременно украдены драпировки со 134 окон. Японская печать, сообщая об этом, подчеркивает, что ввиду острой нехватки мануфактуры вся украденная ткань, видимо, пошла на изготовление одежды.

◆ Как сообщает французская газета «Комба», в Нью-Йорке открылась международная выставка «абстрактной живописи», в которой участвуют только те художники, которые считают своим девизом «оторванность от жизни». На выставке было представлено 663 картины, сплошь синие квадраты, красные круги, бледнозеленые полосы и т. п.

◆ В Аргентине запрещены все произведения Бальзака. В «черном списке» Бальзак значится рядом с порнографическими романами английских авторов и «Дневником горничной» Мирбо.

Ан. ВОЛКОВ

ПИСАТЕЛЬ-РЕАЛИСТ

К 10-летию со дня смерти А. И. Куприна

Александр Иванович Куприн — один из выдающихся русских писателей-реалистов предоктябрьской эпохи. Его творчество входит в русло демократического литературного движения, находившегося под плодотворным влиянием революционных идей Горького. Куприн признавался, что «все смелое и буйное» в его лучшей повести «Поединок» принадлежит Горькому.

В годы, когда на борьбу с реакционным самодержавием поднимались все передовые, творческие силы страны, Горький — основоположник социалистического реализма — возглавлял демократический фронт в литературе, сплачивал его вокруг издательства «Знание». В плеяде писателей-«знаниевцев» Куприн занимал почетное место.

Яркий природный талант, огромный запас жизненных наблюдений и резко критическое изображение тогдашней действительности — вот что определило большой общественный резонанс произведений Куприна и сделало его имя выдающимся в русской литературе.

Писатель-реалист, Куприн внимательно всматривался в жизнь и умел выделять в ней главные, существенные стороны. Уже первое его крупное произведение — «Молох», появившееся в 1896 году, посвящено важнейшей теме — капиталистическому развитию России.

Правдиво и без прикрас писатель показал подлинное лицо буржуазной цивилизации, указал на то зло, которое она несет народным массам. Он обличал лицемерную мораль, продажность и фальшь в отношениях между людьми в капиталистическом обществе.

Куприн рисует большой завод, где рабочие подвергаются жестокой эксплоатации. Инженер Бобров, честный, гуманный человек, потрясен этой страшной картиной. Он приводит статистические данные, показывающие, какое огромное количество человеческих жизней поглощает Молох капитализма. Только на одном заводе «двое суток работы пожирают целого человека».

Но, изображая каторжный труд людей, автор в то же время рисует массу рабочих безропотной, бессильной предпринять какие-либо активные действия, подняться на революционную борьбу с капитализмом. Наблюдая «серую огромную массу» во время заводского молебна, Бобров думает: «И на кого, как не на одну только богородицу, надеяться этим большим детям с мужественными и простыми сердцами, этим смиренным воинам, ежедневно выходящим из своих промозглых, настуженных землянок на привычный подвиг терпения и отваги?»

В «Молохе» наметились мотивы, характерные для всего последующего творчества Куприна. Образы правдоискателей пройдут длинной вереницей по многим его произведениям. Герои эти тоскуют по красоте жизни, отвергая современную им уродливую буржуазную действительность.

Страницы, исполненные огромной разоблачающей силы, посвятил Куприн описанию царской армии. Армия являлась оплотом самодержавия, против которого в те годы поднимались все прогрессивные силы русского общества. Вот почему произведения Куприна о царской армии — «Поход», «Ночная смена», «Дознание» и другие — получили большое общественное звучание.

В 1905 году, в самый разгар революционного движения, вышла в свет повесть «Поединок». Царская армия с ее бездарным, морально выродившимся командованием встает со страниц «Поединка» во всем своем неприглядном облике. Перед читателем проходит целая галлерея тупиц и выродков, лишенных всяких проблесков человечности: командир полка Шульгович, офицеры Осадчий, Бек-Агамалов, Слива, Веткин и другие.

Своих подчиненных эти офицеры «били в кровь, выбивали зубы, разбивали ударами по уху барабанные перепонки, валили кулаками на землю»...

Этим моральным уродам противостоит главный герой повести подпоручик Ромашев. Он всей душой протестует против этого кошмара, но не способен ни понять его причин, ни найти пути к его преодолению. Хотя во взглядах Ромашева много утопического и наивного, читатель горячо симпатизирует ему, когда он обличает общественную несправедливость и показывает пример человечности в отношении к людям.

Повесть «Поединок» была напечатана в горьковском сборнике «Знание» и посвящена Горькому.

Непосредственным откликом на события русско-японской войны явился рассказ «Штабс-капитан Рыбников». Автор тонко раскрывает отсутствие настоящего патриотизма в господствующих военных кругах, беспечность и слепоту «руководителей» царской армии, среди которых ловко орудует японский шпион под маской русского штабс-капитана.

Творчество Куприна во многом противостояло реакционной декадентской литературе. Поиски настоящего, душевно чистого и здорового человека — лейтмотив многих его повестей и рассказов.

Простые люди, не отравленные буржуазной собственнической моралью, привлекают особое внимание писателя.

В цикле очерков «Листригоны» Куприн описывает жизнь и труд балаклавских рыбаков, которых он хорошо знал. Автор с любовью изображает мужественные, самоотверженные характеры рыбаков, он восклицает: «О, милые простые люди, мужественные сердца, наивные первобытные души, крепкие тела, обвеянные соленым морским ветром, мозолистые руки, зоркие глаза, которые столько раз глядели в лицо смерти».

Настоящее чувство, большую любовь и мужественный подвиг, по мнению писателя, нужно искать не в «цивилизованном» обществе, не в среде «влюбленных кастратов», а, например, в далеком Полесье, в затерявшейся среди вековых сосен избушке на курьих ножках, где живет со своей бабушкой чудесная девушка Олеся, сохранившая всю прелесть естественных человеческих чувств.

Во многих произведениях Куприна прославляется чистая любовь, облагораживающая человека, возвышающая душу. Этой теме посвящен замечательный рассказ «Гранатовый браслет».

Куприн, как и его герои, горячо влюблен в жизнь, и именно поэтому так беспощадно он обрушивается на все, что мешает «сделать жизнь изумительно прекрасной и удобной». Вместе с тем писатель не видел единственно правильного революционного пути к светлому будущему, не понимал исторической роли пролетариата, да и само будущее он представлял себе туманно и фантастически.

В рассказах «Королевский парк», «Жидкое солнце» Куприн выражает неверие в результаты «самоотверженной работы» людей на благо будущих поколений. Здесь писатель сбивается на ходячие, обывательские представления о социализме. В «Морской болезни» эти обывательские представления он перенес на деятелей революционной партии. Недаром этот рассказ вызвал резкую отповедь Горького.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции Куприн, как и некоторые другие писатели критического реализма, переживал глубокий творческий и идейный кризис.

После революции он эмигрировал за границу, где провел около 20 лет. Вернувшись в 1937 году на родину, писатель признал ошибочность своего эмигрантского прошлого.

«Последние годы я настолько остро ощущал и сознавал свою тяжелую вину перед русским народом, чудесно строящим новую счастливую жизнь, что самая мысль о возможности возвращения в Советскую Россию казалась мне несбыточной мечтой... — заявил он вскоре после возвращения в СССР. — И здесь, в Москве, я хочу сказать советскому читателю, новому замечательному поколению советского народа искренне и убежденно: постараюсь найти все физические и творческие силы для того, чтобы в ближайшее же время уничтожить ту мрачную бездну, которая до сих пор отделяла меня от Советской страны».

В 1938 году Куприн умер. Смерть помешала писателю осуществить его благородное стремление.

Рассказы и повести Куприна воссоздают перед читателем широкую и яркую картину русской жизни предреволюционной эпохи. Социальная ценность этих картин и большое мастерство обеспечили за Куприным одно из первых мест в среде русских писателей конца XIX и начала XX века.

Новые книги

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Андроников И. Лермонтов. Новые разыскания. 168 стр. Цена 7 р.

Батюшков К. Стихотворения (Библиотека поэта. Малая серия). 344 стр. Цена 10 р.

Бядуля З. В дремучих лесах. Повести. 220 стр. Цена 6 р. 50 к.

Жуков Ю. На Западе после войны. Записки корреспондента. 408 стр. Цена 11 р. 50 к.

Заболоцкий Н. Стихотворения. 92 стр. Цена 4 р.

Калиниченко А. Камчатские друзья. Повесть. 239 стр. Цена 4 р. 50 к.

Котерли Е. Стожаровы. Повесть. 268 стр. Цена 7 р. 75 к.

Кременской А. Ночная гроза. Рассказы. 176 стр. Цена 3 р.

Ойслендер А. Костер на берегу. Стихи. 164 стр. Цена 5 р. 50 к.

Софронов А. Перед знаменем. 236 стр. Цена 8 р. 50 к.

Украинские новеллы. Составили Вл. и Е. Россельс. 364 стр. Цена 10 р. 50 к.

Эгарт М. Маруся Журавлева. Роман. 362 стр. Цена 10 р.

ГОСЛИТИЗДАТ

Гейне Г. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. Т. II. Новые стихотворения. Современные стихотворения. Атта Троль. Германия. 480 стр. Цена 10 р.

Горбатов Б. Большая вода (Массовая серия). 80 стр. Цена 1 р. 25 к.

Горький М. Рассказы (Из цикла «По Руси») (Массовая серия). 112 стр. Цена 1 р. 25 к.

Кирсанов С. Стихотворения и поэмы. Избранное. 344 стр. Цена 10 р. 50 к.

Михалков С. Избранное. 224 стр. Цена 7 р.

Навои А. Пять поэм. Смятение праведных. Лейли и Меджнун. Фархад и Ширин. Семь планет. Вал Искандера. 472 стр. Цена 35 р.

О'Генри. Рассказы (Массовая серия). 88 стр. Цена 1 р. 50 к.

Островский А. Избранные сочинения. 696 стр. Цена 22 р.

Сервантес. Новеллы (Массовая серия). 96 стр. Цена 1 р. 75 к.

Соболев Л. Держись, старшина. Из сборника рассказов «Морская душа» (Массовая серия). 88 стр. Цена 1 р. 25 к.

Толстой А. Полное собрание сочинений. Т. 12. Сказки и рассказы для детей. Русские народные сказки. 372 стр. Цена 18 р.

Флобер Г. Избранные сочинения. 648 стр. Цена 22 р.

Шишков В. Избранные сочинения. Т. I. Повести и рассказы. 640 стр. Цена 18 р.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02656